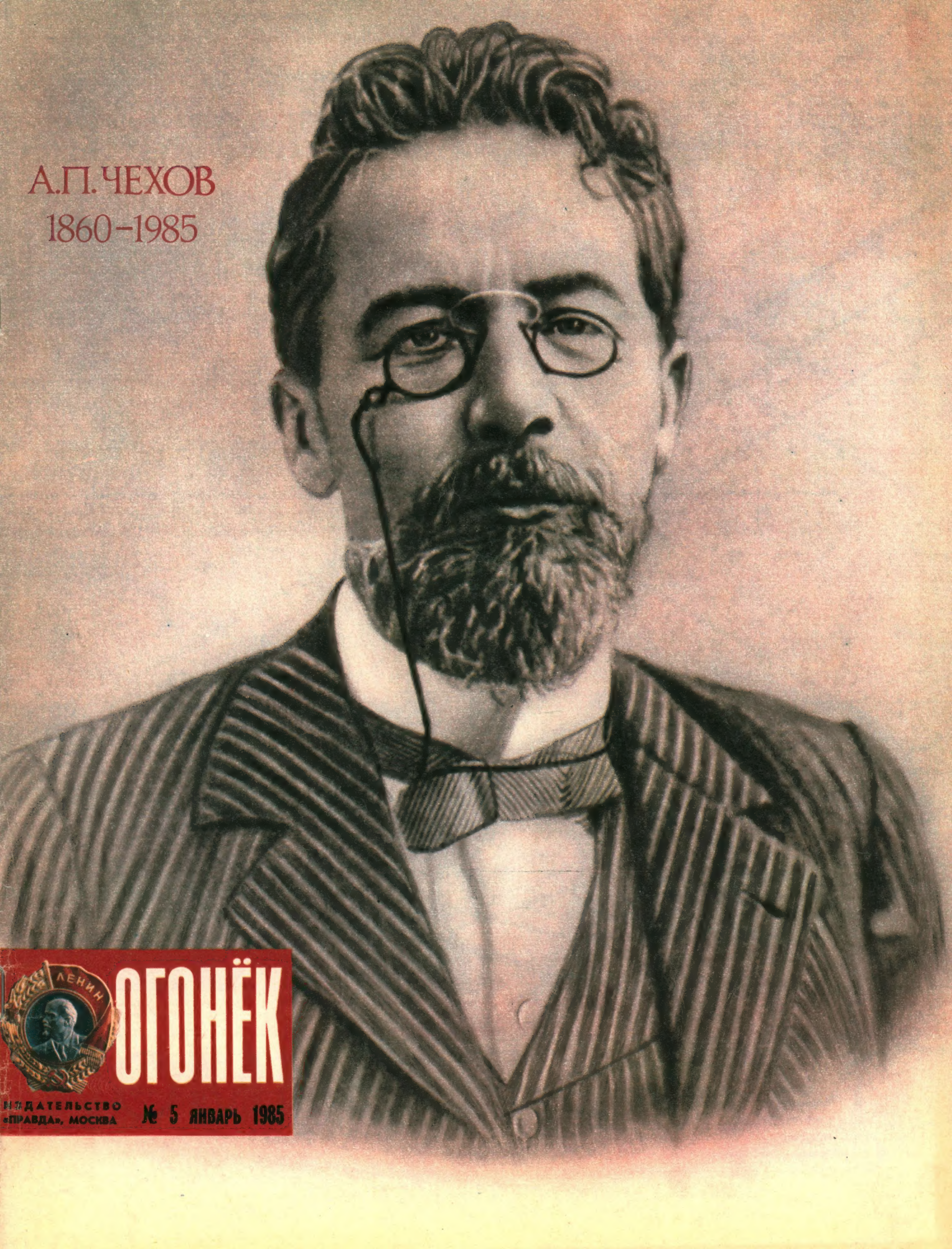

А.П. ЧЕХОВ
1860-1985

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 5 (3002)

26 ЯНВАРЯ —
2 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

И ЗИМОЙ

Лучшие доярки Лопотовской фермы.

ЛЕТНИЕ НАДОИ

См. стр. 8. ►

Во время открытия памятника.

Телефото ЦАФ — ТАСС

ТОРЖЕСТВА В ВАРШАВЕ

Во время посещения делегацией МГК КПСС механического завода имени М. Новотко.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

С 15 по 18 января в соответствии с приглашением в Варшаве находилась делегация Московского городского комитета КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, которая принимала участие в праздновании 40-летия освобождения Варшавы от фашистских захватчиков.

16 января состоялась торжественная сессия Варшавского народного совета, посвященная 40-летию освобождения польской столицы от фашистских захватчиков.

На сессии выступил тепло встреченный собравшимися В. В. Гришин. От имени делегаций Москвы, Берлина, Будапешта, Бухареста, Праги, Софии и Улан-Батора он сердечно поздравил варшавян и весь польский народ со знаменательной датой — 40-летием освобождения польской столицы от фашистских захватчиков.

Мы хорошо помним, сказал В. В. Гришин, какой ценой досталась победа, какие неисчислимы жертвы и разрушения принесла война. Советский Союз потерял в ней свыше 20 миллионов, Польша — 6 миллионов своих граждан. В польской земле покоятся 600 тысяч советских воинов, павших в боях за избавление страны от фашистской неволи, за вашу и нашу свободу. Мы сердечно признательны всем, кто бережно хранит память об их подвиге.

Наша дружба выдержала испытания на прочность, еще более закалилась и обогатилась новыми делами в послевоенные годы. За истекшие четыре десятилетия наши народы вместе с народами других братских стран в тесном взаимодействии восстанавливали и развивали свою экономику, общими усилиями создавали прочный заслон военной угрозе, стояли на страже революционных завоеваний.

17 января по случаю 40-летия освобождения Варшавы от фашистских захватчиков состоялось торжественное открытие памятника воинам Первой польской дивизии имени Т. Костюшко, которая вместе с частями Советской Армии принимала участие в боях за освобождение польской столицы.

На церемонии присутствовали Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский, другие руководители ПНР, ветераны войны, представители рабочего класса, молодежи, воины Войска Польского.

В числе присутствовавших — делегация МГК КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, другие делегации столиц братских стран.

Председатель Государственного совета ПНР Г. Яблоньский вручил 17 января В. В. Гришину орден Заслуги ПНР первой степени, которым он награжден за большие заслуги в деле развития отношений между ПНР и СССР, за упрочение братских связей и всестороннего сотрудничества между Варшавой и Москвой.

В тот же день Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский встретился с руководителями делегаций столиц братских социалистических стран.

18 января делегация Московского городского комитета КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным, принимавшая участие в праздновании 40-летия освобождения Варшавы от фашистских захватчиков, посетила столичный механический завод имени М. Новотко — крупное предприятие польского машиностроения.

Здесь состоялась встреча делегации с партийным активом завода и варшавскими районами Воля и Центр. Ее участники тепло приветствовали советских гостей.

Выступившие на встрече первый секретарь заводского комитета ПОРП С. Пахольчик и другие ораторы отмечали, что в совместных боях советских и польских воинов ковался нерушимый союз народов двух стран, братство по оружию. Они подчеркивали, что польский рабочий класс, трудящиеся страны будут крепить дружбу и всестороннее сотрудничество двух стран, вносить свой вклад в упрочение единства социалистического содружества.

Перед собравшимися выступил В. В. Гришин.

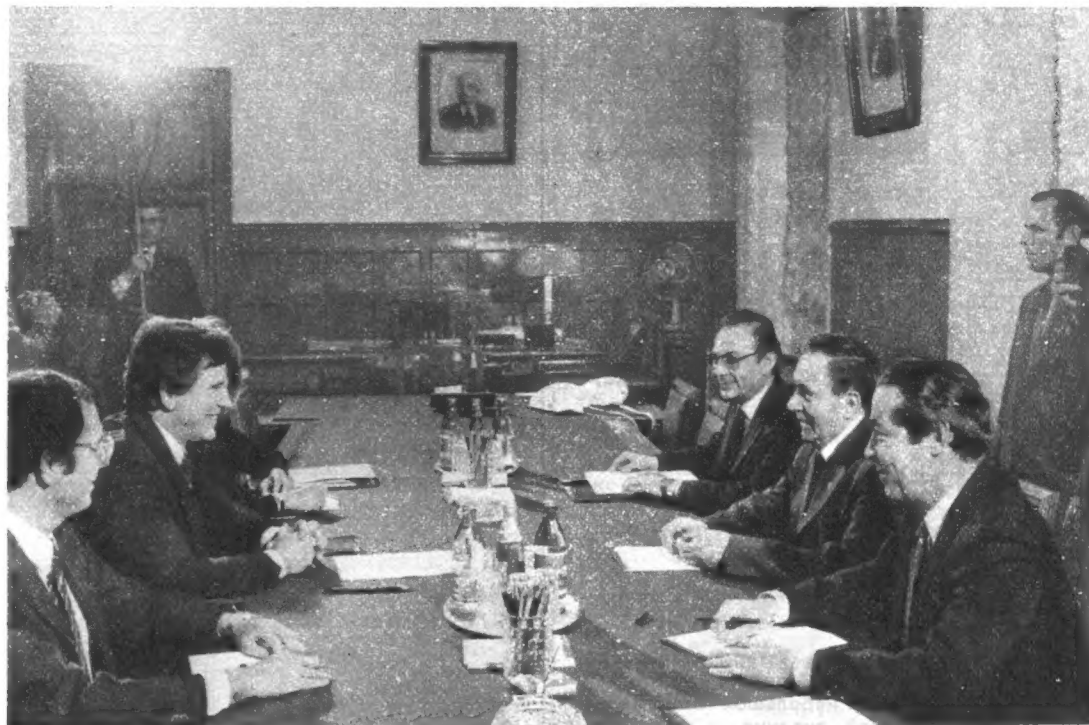
ПРИЕМ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА

17 января член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял в Кремле видного политического деятеля США сенатора Г. Харта, находившегося в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР.

В ходе беседы были затронуты вопросы нынешнего состояния и перспектив советско-американских отношений, положение дел в области ограничения вооружений, а также некоторые международные проблемы.

Советское руководство, подчеркнул А. А. Громыко, исходит из того, что нет и не может быть иной разумной базы для отношений между СССР и США, кроме как строить их на основе равенства, с учетом законных интересов друг друга и не в ущерб интересам третьих стран. Об этом неоднократно заявлял Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. При наличии аналогичного подхода с американской стороны можно рассчитывать на оздоровление отношений между двумя странами, что оказало бы благоприятное воздействие на общую обстановку в мире.

Г. Харт со своей стороны высказался за уменьшение напряженности в отношениях между СССР и США, достижение конкретных результатов на предстоящих советско-американских переговорах, за улучшение отношений между обеими странами.

На снимке: во время беседы.
Фото Ю. Лизунова, А. Шогина (ТАСС)

В ночь с 7 на 8 января 1985 года в Узбекской ССР родился 18-миллионный житель республики.

Кто же он! Мальчик или девочка! Кто его родители! Где именно он родился!

С виду — простые вопросы, но, чтобы ответить на них, пришлось отдать, по-спортивному выражаясь, первое призовое место сразу семидесяти трем младенцам, родившимся в первый час суток 8 января.

В Узбекистане ежедневно 623—640 семей испытывают радость появления на свет ребенка. И если, например, здесь до Великого Октября треть детей из-за недоедания, болезни не доживала и до годовичного возраста, то теперь арифметика совсем другая: с 1950 года население Узбекской ССР увеличилось на 11 миллионов 806 тысяч человек.

Прокомментировать столь выразительные демографические факты корреспондент «Огонька» В. КОСТЫРЯ попросил секретаря Центрального Комитета Компартии Узбекистана Рано Хабибовну АБДУЛЛАЕВУ.

гов и многих других специальностей. Для наших прабабушек и даже бабушек сказочной может показаться, например, такая современная специальность, как детский врач-диетолог: в прежние времена размоченная в чае лепешка была детским лакомством.

Среди дореволюционных пословиц у нашего народа есть, на-

ню, как обострила чувство гордости за наш советский образ жизни моя поездка с женской делегацией в Малайзию. Рассказывая малайзийским женщинам о государственной опеке материнства в СССР, о целом комплексе льгот: оплачиваемых отпусках, пособиях при рождении ребенка, сохранении рабочего места, я ви-

В числе новорожденных, открывших счет 19-му миллиону населения Узбекистана, — дети разных национальностей. В нашей республике в братской дружбе и полном согласии живут представители более ста наций и народностей.

Мальчик родился в семье колхозников Исраила и Мавлюды Сарымсаковых в Избасканском районе Андижанской области. В семье Палвана и Муйры Расуловых, живущих в Гиждуванском районе Бухарской области, родилась девочка — двенадцатый ребенок. В той же области, в Пешкунском районе, в семье Мухитдина Хидоятова и Зухро Джураевой стало одиннадцатый детей: у них родился мальчик.

Сын родился в казахской семье Курала Нурматова и Райхан Тулгбаевой в Каракалпакской АССР, а в молодой рабочей семье таджиков Субанхона Музаффарова и Малики Исмаиловой, живущих в Касансае Наманганской области, родилась девочка — их первый ребенок. Дочь родилась и в туркменской семье Худайберды Раджапова и Огулнияз Курбановой в Термезском районе Сурхандарьинской области. Такая же радость пришла в дружную семью узбека Махмарасула и немки Эммы Гадаевых.

Сегодня это младенцы, завтра, на рубеже 1990 года, — первоклашки, а послезавтра, на пороге 2000 года, — молодые люди со средним образованием.

Завершая комментарий, Рано Хабибовна Абдуллаева сказала:

— Спросите у матерей Узбекистана, у любой матери нашей страны, в чем они нуждаются сегодня, и каждая скажет, конечно же, не о хлебе, не о крыше над головой, не о рабочем месте — все это гарантировано им. Но каждая скажет о самом заветном: «Не было бы войны!»

Что же, это самое главное ныне для всех людей нашей планеты!

На снимке: один из тех, кто начал отсчет 19-го миллиона.

18 МИЛЛИОНОВ!

пример, и такая: «Лучше родить камень, чем девочку». Нынешние молодые матери-узбечки эту поговорку даже никогда не слышали. Они твердо знают, что ребенок, независимо от его пола, — радость для семьи и общества, их сердечная забота, надежда, счастье. Неспроста повсюду в нашей стране детей называют привилегированным «классом»!

Все это особо начинаешь ценить, побывав в странах, где царят капиталистические, а то еще и полуфеодалные порядки. Пом-

дела на лицах слушательниц удивление, сомнение, а то и недоверие. Невольно думалось о том, с чего начиналось строительство социализма у нас.

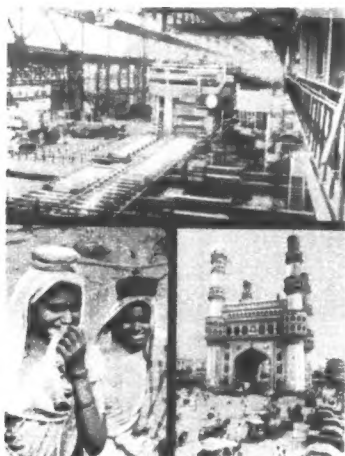
Советский Узбекистан ныне славится многодетностью: это ведь признак и материального достатка, и социального оптимизма. На нашу республику приходится двадцать процентов семей страны, имеющих пять и более детей, а тех, в которых семь и более детей, — даже одна треть.

И еще один характерный штрих.

— Об этих радостных переменах, происшедших благодаря заботе ленинской партии и Советского правительства о повышении благосостояния трудящихся, мне есть что сказать. И по должности, и по душе, — подчеркнула Рано Хабибовна. — Я ведь мать и очень хорошо знаю, что значит для здоровья ребенка да и самой матери своевременный врачебный совет, квалифицированная помощь.

Так вот, в Узбекистане, где прежде было всего около сотни врачей, теперь среди 59 тысяч дипломированных медиков немало не просто педиатров, а педиатров-хирургов, педиатров-невропатоло-

ПЛОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

На северо-западе штата Уттар-Прадеш, где великий Ганг начинается свой путь к Бенгальскому заливу, расположен небольшой город Хардвар. На его западной окраине, у подножия живописных гор Шивалик, раскинулся современный промышленный гигант — завод тяжелого электрооборудования, построенный при техническом содействии Советского Союза.

Завод в Хардваре — базовое предприятие «Бхарат хэви электрикалз лимитед» («БХЭЛ»), крупнейшего в Индии государственного объединения по выпуску этой продукции. Тридцать лет назад никто не мог даже предположить, что за короткий период времени это предприятие займет лидирующее место среди индустриальных гигантов Индии и окажется в числе восьми крупнейших предприятий мира, производящих подобное оборудование.

Машины с маркой завода пользуются большим спросом в Индии, экспортируются более чем в 30 стран.

— Советско-индийское сотрудничество в энергомашиностроении развивается на крупномасштабной, постоянной и долгосрочной основе, — говорит Г. Р. Гоял, заместитель генерального управляющего завода в Хардваре. — Вот уже более двадцати пяти лет Индия использует продукцию ленинградского объединения «Электросила». Это оборудование успешно работает на заводах и электростанциях в Бхилаи, Бокаро, Корбе, Ранчи и других городах. Сотрудничество между нашими странами растет не только в количественном, но и в качественном отношении. Специалисты «Электросилы» помогают индийским коллегам эксплуатировать построенные электростанции, вводить производственные мощности, обучают специалистов.

Большую пользу, — продолжает свой рассказ Г. Р. Гоял, — приносят семинары, в которых принимают участие как советские, так и индийские специалисты. Советские эксперты по энергетике имеют богатый опыт в производстве, монтаже и эксплуатации теплового оборудования. Участники семинара охотно делятся своим опытом, идеями, предлагают конкретные решения той или иной проблемы, с которыми сталкиваются индийские заказчики.

Наши успехи, — говорит в заключение Г. Р. Гоял, — это результат огромной бескорыстной помощи Советского Союза. Я полагаю, что сотрудничество между нашими странами будет и в дальнейшем таким же успешным и плодотворным.

Заводы государственной кооперации «БХЭЛ» работают стабильно, эффективно. Двенадцатый год подряд объединение приносит стране устойчивую прибыль. Не является исключением и завод тяжелого электрооборудования в Хардваре. Он вносит достойный вклад в выполнение тех задач, которые стоят перед энергетиками Индии.

Олег АРТЕМЬЕВ,
корр. АПН — специально для «Огонька»

Хардвар — Дели.

1 Памятник борцам за национальное освобождение в Дели. Автор монумента — известный индийский скульптор Дэви Прасад Рой Чоудхари. Скульптурная группа отражает один из эпизодов борьбы индийского народа — так называемый «соляной марш» Махатмы Ганди.

2 Продукция прогрессивного издательства «Пиплз паблишинг хаус» неизменно привлекает внимание различных слоев индийского населения. Оно постоянно расширяет сотрудничество с советским внешнеторговым объединением «Международная книга», поставляя в Индию книги, альбомы, периодику, марки, грампластинки. Индийское издательство систематически организует выставки, продажи советских книг, знакомит читателей с новыми поступлениями, устраивая экспозиции во время различных массовых мероприятий.

3 Туризм становится все более популярным в Индии. Сотни тысяч индийцев из разных уголков страны стремятся познакомиться с замечательными памятниками истории и архитектуры, которыми так богата индийская земля. Многочисленными храмами и дворцами украшена набережная Варанаси — одного из древнейших городов Индии, стоящего на великой реке Ганг.

4 За последние годы в Дели выросли новые высотные здания гостиниц, сооружены транспортные эстакады.

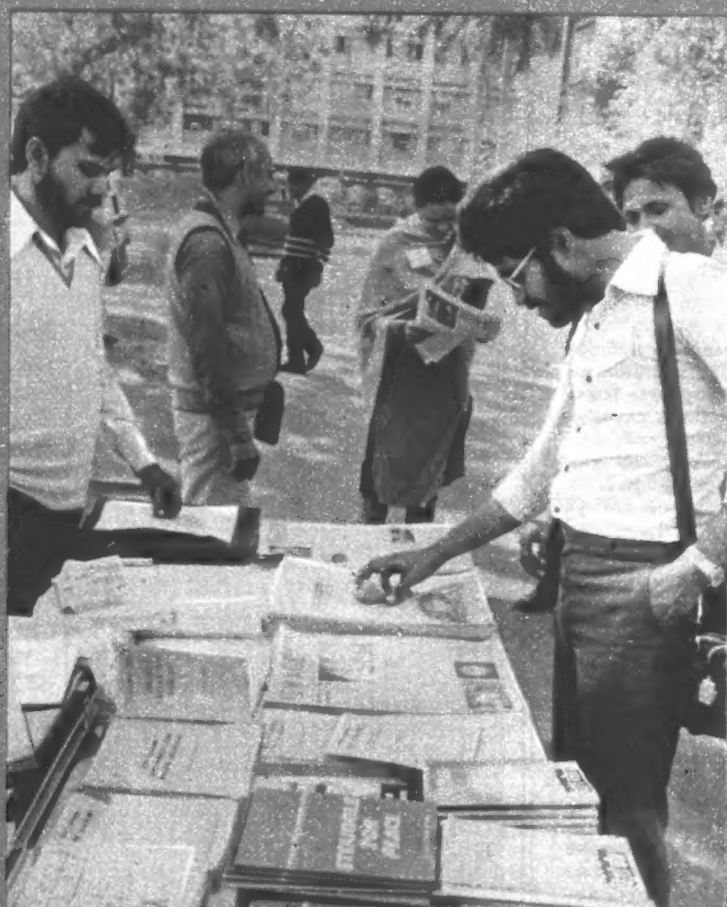
5 Индия уверенно смотрит в будущее. Ее полноводные реки перекрываются высокими плотинами, чтобы нести свет в дома людей и питать заводы и фабрики новой Индии.

6 Поделки мастеров индийской чеканки хорошо известны не только в стране, но и во всем мире. Руки ремесленника создают уникальные предметы быта и украшения.

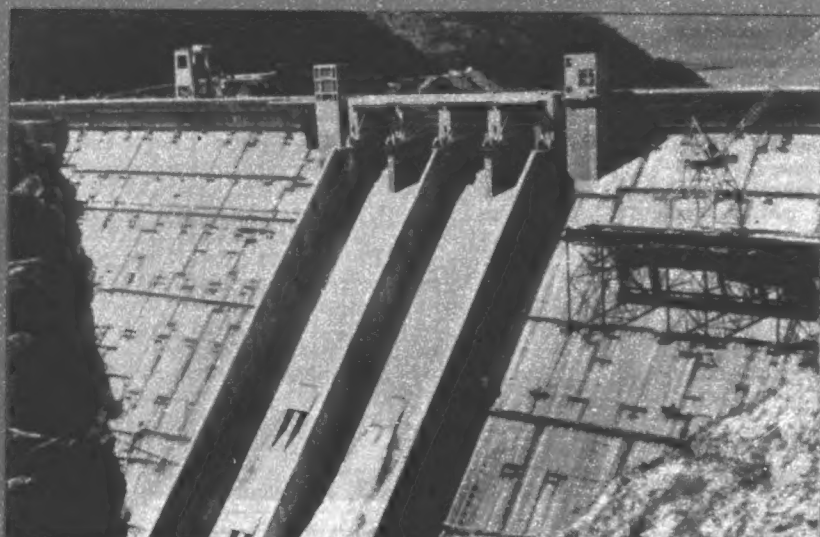
Фото ТАСС

ИНДИЯ

1 2
СЕГОДНЯ
5

КЛЯНЕМСЯ ЖЕ ХРАНИТЬ НАДЕЖДЫ МИРА...

Притам Сингх С А Ф И Р

*Молодому
ташкентскому другу*

Мой юный друг,
застенчивый и милый,
ко мне с улыбкой
чаще подходи.
Мне чудится,
что белый голубь мира
расправил крылья
у меня в груди.
Ташкент цветами,
флагами, огнями
встречает нашу
пеструю семью.
Мне чудится,
что вечность перед нами
склонить готова
голову свою.
И мрак ночной
уносится, как пепел,
и над землей
плывет рассветный час,
и время гневно
разрывает цепи,
что сотни лет
отягощали нас.
Пусть голуби
срывают с горизонта
кровавого безумия
покрова!
Пусть входит счастье
смело, щедро, звонко,
осыпав мир
потоками даров!
Клянемся же хранить
надежды мира,
сердцами помнить
клятву наизусть.
Мы скоро расстаемся,
друг мой милый,
и я уже
испытываю грусть.
Еще грозят народам
гнет и голод,
еще невзгод
немало впереди,
но расправляет крылья
белый голубь,
что бьется
в человеческой груди!

Перевел с хинди М. КУРГАНЦЕВ.

Винда К А Р А Н Д И К А Р

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Словно высокая мачта в душе у меня —
Голубь на мачте трепещет крылами узорными,
Пеньем встречает рождение каждого дня,
Кормится влагою снов и мечтаньями-зернами.

Чистый, бесстрашный, когда он явился на свет?
Как он живет в этом мире вражды и страдания?
Предостеречь ли нас хочет от будущих бед
Или же в нашем спасенье уверен заранее?

Что ему видно в долинах грядущих веков,
Этому вестнику, гордому и белоснежному?..
Слышишь? В душе, не боясь грозных облаков,
Голубь воркует — надежду пророчит
по-прежнему.

Перевел с хинди С. СЕВЕРЦЕВ.

СЕКРЕТЫ

«ЧУДА»

На протяжении последних лет в Западной Европе и Америке наблюдается характерное явление: рынок наполнен японскими автомобилями и фотоаппаратами, бытовой электротехникой и многими другими товарами массового спроса. Нашествие японской продукции в ряде случаев имеет катастрофические последствия для традиционных отраслей экономики стран Запада. Так, в ФРГ резко сократили производство или вовсе закрылись некоторые в прошлом знаменитые оптические фирмы, поскольку они оказались не в состоянии противостоять японской конкуренции. По той же причине переживает трудные времена вся часовая промышленность «страны часов» — Швейцарии. Дело дошло до того, что японцы построили в классических «автомобильных» странах — США и Италии — автосборочные заводы, продукция которых успешно конкурирует с такими автогигантами, как «Форд», «Крайслер», «Дженерал моторс», «Фиат».

В этой связи в западной печати появилось множество исследований, посвященных японскому «экономическому чуду». Их авторы, как правило, сходятся на том, что Япония добилась больших успехов благодаря передовой технологии и некоторым особенно эффективным методам организации производства. Что касается передовой технологии, то тут, бесспорно, японцы достигли многого. А вот насчет того, что делает применяемые в Японии методы организации производства особенно эффективными, западные исследователи пишут глухо и невразумительно. Разобраться в этом помогает небольшое сообщение, которое недавно промелькнуло в западной прессе. Администрация одного из филиалов японского электротехнического концерна «Хитачи», расположенного в Англии, призвала рабочих, которым перевалило за 35 лет, «добровольно» уволиться с предприятия. В условиях трехмиллионной безработицы в Англии расчет на «добровольность» выглядит довольно нереалистичным. Поэтому каждому, кто согласится уволиться «по собственному желанию», обещана «премия» в размере 1700 фунтов стерлингов. Почему вдруг такая щедрость? И ради чего?

Администрация, а она, конечно, полностью японская, имеет на этот счет свои представления и свои резоны. У рабочих в возрасте старше 35 лет, считают руководители предприятия, слабеет зрение, ухудшается реакция, их движения становятся более медленными, да и вообще эти люди чаще болеют. То ли дело молодежь, которой нет еще и двадцати: никаких дефектов здоровья и огромное желание получить работу. И, что очень важно, эти молодые люди обычно еще не успевают обзавестись собственной семьей — следовательно, им можно платить меньше, чем «старикам». Поэтому, если на место «добровольно» уволившихся нанять 16—17-летних выпускников школ, то, по подсчетам японских организаторов производства, через год затраты на омоложение персонала полностью окупятся.

Надолго ли хватит «премии», полученной «добровольно» уволившимися рабочими, и какова будет их дальнейшая судьба, администрацию не интересует. Но если принцип добровольности не сработает, то она, видимо, найдет другой способ избавиться от ненужных ей рабочих.

То, что произошло на японском предприятии в Англии, хотя и отдельный, но типичный случай. Он показывает, за счет чего достигается высокая эффективность, эта важная составляющая японского «экономического чуда».

Виктор БОЕВ

АНТИСОВЕТИЗМ НА ЭКСПОРТ

...Война пришла, когда ее никто не ждал. Небо над тихим американским городком у подножия Скалистых гор наполнилось ревом самолетов, парашютами десантников, застрочили автоматы, полилась кровь. На улицах появились люди в шапках-ушанках с красными звездами. И вот витрины закусочных «Макдональдс» заклеены пропагандистскими лозунгами, умолкли дискотеки, и круглые сутки на улицах слышны транслируемые через громкоговорители военные марши оккупантов. «Русские пришли!»

Так выглядит третья мировая война в представлении авторов американского фильма «Красный рассвет», который только что широко вышел на киноэкраны Швеции. Он рассчитан на солидные кассовые сборы, и ему сделали в этой стране хорошую рекламу: там и сям на улицах развешаны броские плакаты, приглашающие посмотреть этот

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
в ФРГ

Фото автора

96 КРЕСТОВ

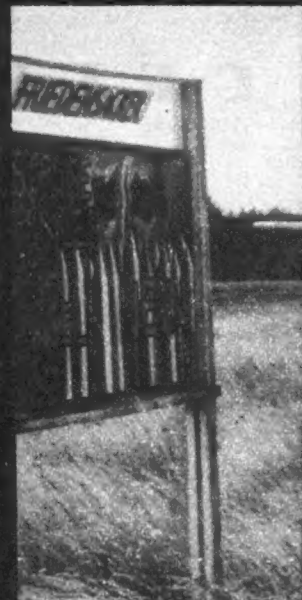
Символические кресты.

Девяносто шесть символических крестов вбиты в землю у самого забора американской базы ядерных крылатых ракет вблизи западногерманского города Хассельбах. Это грозное напоминание гражданам ФРГ о том, что 96 крылатых ракет с ядерными боеголовками стоят здесь, готовые к пуску.

— Американские ракеты первого удара, — сказали нам местные жители, — это в первую очередь наша собственная гибель. Мы не верим в якобы «агрессивные планы» Советского Союза, но прекрасно знаем, что установленные рядом с нашими жилищами крылатые ракеты, как и «Першинги-2» в Мутлангене могут вызвать мировой атомный пожар, полное уничтожение человеческой цивилизации.

— Фашизм породил вторую мировую войну, — заявили молодые участники антиракетного движения, — теперь американский милитаризм угрожает третьей мировой войной. Наш лозунг: «Никакого фашизма, никакой войны, никаких атомных ракет!» Убитые в двух мировых войнах предупреждают нас о нависшей над планетой опасности...

ФРГ, Хассельбах

«истинно патристический», по выражению правой газеты «Экспрессен», фильм.

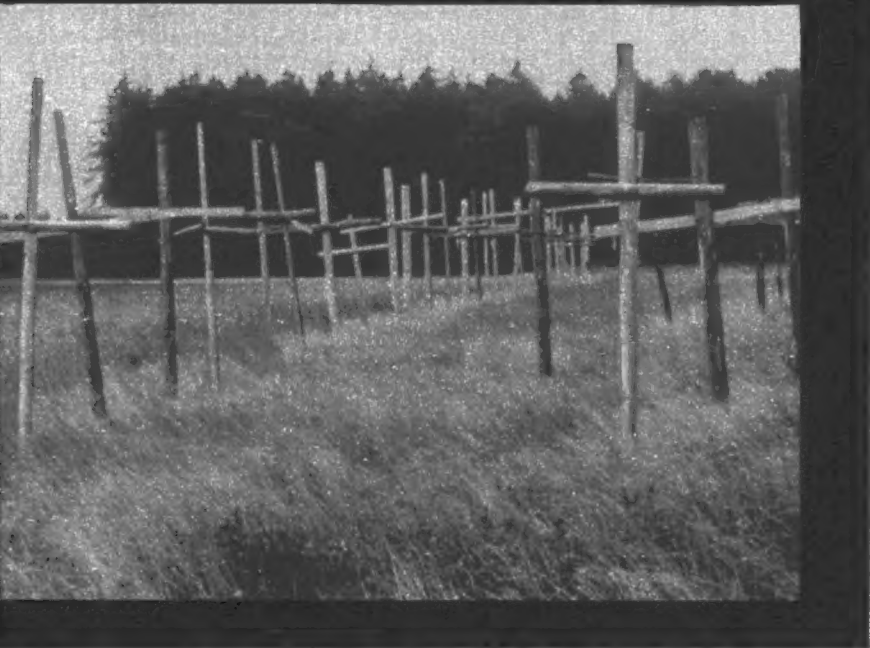
Его сюжет, как и всякой третьесортной голливудской поделки, незатейлив. «Советские агрессоры» оккупируют половину США, в том числе провинциальный городок Келмит в штате Колорадо. Однако восемь местных парней и девушек, хорошенько запасшись «кока-колой», уходят в горы, откуда начинают партизанские действия. В ходе фильма жертвой этих разошедшихся в боевом пылу молодых людей становится в общей сложности не менее десантного батальона, включая бронемашину, вертолеты, орудия и все прочее. Двое из героев в конце фильма берут штурмом целый укрепленный город. «Хэппи энд», то есть поспрашивание «врагов Америки», венчает дело.

Все это, предлагаемое американскому и зарубежному зрителю, как «фильм-предостережение», настолько густо и грубо замешано на антисоветизме, что после его показа не выдержала даже шведская буржуазная пресса. «Старые клише из военных фильмов мелькают в диалогах, как отстрелянные гильзы, пропаганда ненависти против действительных и воображаемых противников США чудовищна, а действие совершенно лишено смысла», — озадаченно замечает та же «Экспрессен».

«Это во всех отношениях крайне примитивный пропагандистский фильм», — пишет крупнейшая в стране утренняя газета «Дагенс нюхе-

Участники антиракетного движения.

тер». — Если это действительно лучшее произведение, которое удалось сделать американской киностудии, то эта страна и в самом деле в опасности».

«Красный рассвет» сфабрикован авторами, что называется, на злобу дня. Вспомним, сколько красноречия истрачено официальным Вашингтоном в попытках доказать, например, некую «угрозу» со стороны Кубы и Никарагуа всему западному полушарию — и тем самым оправдать политику государственного терроризма в Центральной Америке. Фильм подхватывает эту тему: в подготовке и проведении изображаемого в нем нападения на Соединенные Штаты там принимают участие... конечно же, кубинцы и никарагуанцы, просочившиеся в страну через границу с Мексикой. Старая же тема «советской угрозы» развернута в «Красном рассвете» в самых махровых традициях американской анти-советской пропаганды. Почему началась «война», зачем «пришли русские», каковы мотивы их действий — неизвестно.

Так под прикрытием «коммерческой деятельности» в нейтральную Швецию проникает оголтелая антисоветская пропаганда. В сознание шведов бросают семена недоверия и вражды к Советскому Союзу.

Дмитрий ВОРОБЬЕВ,
спец. корр. АПН, для «Огонька»

Стокгольм.

Дни Будапешта в Москве

ГОСТИ С БЕРЕГОВ ДУНАЯ

Сорок лет назад Красная Армия разгромила наголову последние соединения фашистских войск, оккупировавших Будапешт. 13 февраля 1945 года стало незабываемым днем в истории города — началось время мирного, созидательного труда.

С этого дня ведет отсчет новая история отношений между двумя столицами — Москвой и Будапештом. Первыми, кто поспешил на помощь жителям венгерской столицы, были москвичи. Минувшие четыре десятилетия укрепили дружественные связи двух столиц, и формы разнообразного их сотрудничества продолжают углубляться.

В Будапеште на каждом шагу мне встречались конкретные приметы нашей дружбы: троллейбусная сеть города создана на основе московского опыта спустя несколько лет после освобождения; линии метрополитена обслуживают вагоны подмосковного Мытищинского завода; технология советских домостроительных комбинатов использована при возведении первых микрорайонов Будапешта... Не остались в долгу и друзья. Ими выполнены работы по внутренней отделке здания СЭВ на Калининском проспекте, многие из нас добираются на работу или домой на венгерских автобусах «Икарус»...

«Заботы наших столиц во многом схожи», — сказал первый заместитель председателя Будапештского столичного Совета Лайош Фаркашински. — И неудивительно, ведь мы стремимся к достижению одинаковых целей. Ежегодные выставки и отраслевые мероприятия, встречи рабочих коллективов и поездки друзей

друг к другу направлены в конечном счете на то, чтобы сделать жизнь столиц еще богаче, содержательнее. Три года назад в Будапеште с успехом проходили Дни Москвы, а вот сейчас Москва встречает нас».

«Городом в городе» стал на эти дни Центральный выставочный зал, где развернута экспозиция «Будапешт 1945—1985». Все, вплоть до мелочей, учли мастера на макете города, занимающем 120 квадратных метров! Виды старого Будапешта, фотографии времен войны уносят нас к событиям тех дней. Но главное — выставка показывает жизнь и заботы Будапешта сегодняшнего. А будущее? Частично его контуры проглядывают в работах модельеров сети крупнейших универсамов «Шкала»...

В Государственном Центральном концертном зале 21 января встретились представители трудящихся столицы с делегацией Будапешта. Приветствуя гостей, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин подчеркнул, что советско-венгерская дружба основывается на прочном фундаменте незыблемых принципов марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, единстве взглядов и сплоченности наших партий.

На встрече выступил глава делегации венгерской столицы первый секретарь Будапештского горкома ВСРП К. Грос.

Прологом культурной программы Дней Будапешта в Москве стал торжественный гала-концерт мастеров искусств двух городов в Государственном Центральном концертном зале.

В. КОВАЛЕВ

Выступают гости Москвы — венгерский государственный народный ансамбль.

И ЗИМОЙ ЛЕТНИЕ НАДОИ

Н. ШАТОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА

Подмосковье все чаще хвалится удоями, о которых даже лет десять назад и не мечтали. Теперь заговорили здесь о коровах-пятидесятницах и шеститысячницах! А совсем недавно тележурналисты рассказали о ферме, где в

бригадир Мария Петровна Аристова начинает с нее: «Умница. Наша гордость, семь тысяч дала...» Семь тысяч килограммов молока за год! Вероника не одна такая. Волга, Золушка — тоже семитысячницы...

Главный зоотехник Солнечногорского РАПО Мария Кузьминична Пастухова в шутку сказала:

— Наши коровы очень фотогеничные, потому что они высокоудойные!

В красном уголке, как всегда, много брошюр, вымпелов, листовок. И плакат: «Идти дальше, добиваться большего!» Работал телевизор — шла спортивная передача из Парижа. Шумел самовар, достали красивый чайный сервиз.

На Лопотовской ферме сейчас, лютой зимой, надои прямо-таки летние: по четырнадцать

Мария Петровна представила: Анна Павловна Рылова, участница ВДНХ, она выезжала на выставку в Москву со своими (тогда, в 1978 году, были еще у каждой свои) коровами; Александра Васильевна Корж, кандидат в депутаты Московского облсовета народных депутатов; Вера Панфиловна Тарелкина, кавалер ордена Октябрьской Революции, тоже участница ВДНХ, имеет медаль выставки; Анна Ивановна Воронкова и Любовь Ивановна Сиренина. Им было по восемь — десять лет, когда гитлеровцы, рвавшиеся к столице, сожгли Лопотово. Ни дома не оставили... Сейчас село — загляденье! Дом к дому, да какие же красивые здесь дома! И сады — сейчас они сят по пояс в сугробах; и леса вокруг, и озера, и реки Сестра и Истра...

Блоковские места.

В Тараканово, где великий русский поэт венчался, Мария Петровна с подругами не раз ездила к коллегам. В совхозе «Солнечное» на Таракановском молочном комплексе работает комсомольско-молодежное звено. Местные и приезжие девушки овладевают сложнейшим молочным делом — и техникой, и наукой кормления, и секретами мастерства операторов машинного доения. Каждая, преодолев немало трудностей, невзгод, разочарований, через год-два научилась обслуживать по пятьдесят и больше коров. И надои растут. Но до показателей нынешних лучших в районе доярок еще далеко. И вот колхозницы из Лопотова взяли над девушками шефство. Дружба опытных доярок с начинающими очень помогла совхозу. Таракановский комплекс все чаще радуется высокими надоями.

Конечно, не надо быть ученым, чтобы понять: удои от кормов. Уход — дело важное. Коровы очень в этом отношении чувствительные, на ласку отвечают прибавкой молока. Но ласке необходима существенная материальная основа: обильный, особенно зимой, корм. В Тараканове корма нынче есть, но все же они не такие, их не столько, как в колхозе «Новый путь». Свеклы здесь корова получает не двадцать пять килограммов, а пятнадцать, силос в колхозе — это клевер со злаковыми, а в совхозе силос без клевера; колхозные корнеплоды в хранилище чистенькие, а в совхозе они в буртах и, значит, с землей — каково их скормить; в Лопотово, как сразу заметили, ведет отличная дорога, в Тараканово дорога будет не хуже, а пока бывает, что после метели ее не пробьют, и вот тебе перебои в кормлении, отход от графика... Совхоз вроде бы вышел из отстающих, но многое требует совершенства в каждодневном производстве, особенно на молочном комплексе. Вот об этом и говорили молодежи в Тараканове гости из колхоза «Новый путь» бригадир Мария Петровна Аристова и председатель Владимир Николаевич Москатиньев. И снова шумел самовар в красном уголке, секретарь совхозной комсомольской организации Марина Щербачева разливала по чашкам чай, предлагала не стесняться, брать печенье... Девушки прижились в совхозе, самое трудное позади, и они внимательно слушали давно знакомую и полюбившуюся им Марию Петровну. А после обмена опытом и мнениями председатель райкома профсоюза работников сельского хозяйства Валентина Васильевна Шептулина читала стихи Александра Блока. Поэт когда-то ранним утром пролетал здесь на белом коне по лугам, по полям, вдоль опушек вот этих лесов...

Снег, снег. Молочной белизны снега. Морозы жмут все сильнее с каждым днем. А на фермах тепло, даже уютно. Хлебом пахнет силос. Шумно вздыхают коровы. В соседнем скотном дворе идут отелы... Когда показывается новое солнце, доярки уже возвращаются после первой дойки, спешат по домам. Но скоро, скоро солнце усевестится, перейдет на весенне-летнее расписание, и тогда оно будет встречать великих тружениц ферм по пути на работу.

— Нет, мы зимы не боялись нынче и не боимся, — заверил председатель РАПО И. Г. Чернышев. — Зимой даже легче. Лето может и обмануть, то дожди, то сушь великая, и нет травостоя. А зимой корма под рукой. Техники теперь много, снег не страшен — бульдозеристы дежурят. Вот почему зимой летние надои.

Анна Павловна Рылова и шеститысячницы Цыпа и Золушка.

минувшем году надоили по 8 тысяч килограммов молока от коровы. Это в Одинцовском районе. Фермы с коровами-шеститысячницами (и даже семитысячницами) есть в Красногорском, Щелковском, Солнечногорском районах.

Солнечногорск от Москвы недалеко. К ферме села Лопотово ведет накатистая, пробитая в снегах дорога, широкая и даже песочком посыпанная. Нынешняя зима запомнится частыми метелями, снегопадами, и такая дорога на ферму — примета новая и добрая. Стало быть, не только гости-экскурсанты, но и каждодневные корма доставляются без помех. И молоко быстро вывозят мощные молоковозы.

Лопотовская ферма колхоза «Новый путь» напоминает о времени, когда еще не увлекались сборнобетонными комплексами на восемьсот или даже тысячу с лишним скотомест. На ферме в Лопотове коровник невелик, здесь сто пятьдесят коров. Вот они идут с прогулки. Идут красиво, можно сказать, величаво ступают! С большим достоинством. В коровнике чисто, сухо. Вошедших с мороза обдает живым теплом. Каждая сразу занимает свое место: Нота, Золушка, красавица Цыпа... Вероника не гуляла, недавно отелилась, но рассказ о стаде

килограммов надают здесь от каждой коровы в среднем. Работают пять доярок — подрядное звено, то есть доят они, как говорится, в одну цистерну, и делается одно общее дело. Это и сказалось на кормлении: доярка теперь не хлопочет только для «своих» коров.

Каждая старается, чтобы всем коровам досталось любого вида корма поровну. Без любимчиков. И вот результат: в прошлом году звено надоило по 5139 килограммов молока от каждой коровы. Очень много. И в целом колхоз «Новый путь» достиг наивысшей в своей истории (с 1929 года) отметки в производстве молока: 2300 центнеров на сто гектаров сельскохозяйственных угодий! Колхоз продавал государству 1617 тонн молока. Есть мечта в последнем году пятилетки надоить на корову не менее 5 тысяч килограммов. Сбудется ли? Зависит от урожая.

— Самим надоела вечная нехватка кормов, — сказал председатель РАПО Иван Гаврилович Чернышев. — В этом году район заготовил по двадцать два центнера кормовых единиц на каждую корову. Теперь у нас только свои корма!..

Кто же работает на Лопотовской ферме?

Н. Дубовской. НАДВИГАЕТСЯ ТУЧА. 1912.
ЯХТЫ В БУХТЕ.

Областной музей истории донского казачества, Новочеркасск.

НИКОЛАЙ ДУБОВСКОЙ

Владимир КУЛИШОВ

...Огромная, клубящаяся грозowymi облаками туча тяжело нависла над притихшим заливом. Природа замерла. Кажется, еще мгновение — и по злобеще потемневшему небу мелькнет молния, грянет гром, торопливо забарабаният первые капли дождя. «Притихло» — картина Николая Никаноровича Дубовского, классическое произведение русской пейзажной школы. Величие, красота — вот ощущения, которые испытываешь при первой встрече с этим произведением, оно властно приковывает к себе остротой эмоциональных переживаний. На будто застывшей поверхности балтийской воды — лодка с маленькими фигурками рыбаков, торопливо уходящая к лесистому берегу. Холодные, иссиня-черные, темные зелено-коричневые тона неба и залива, пламенные, теплые цвета осеннего убранства леса, словно усиленные зеркальным отражением в воде. И тревога сменяется надеждой, верой в разумную закономерность мироздания, в торжество красоты, гармонии. Трагическая ситуация, нагнетаемая грозным состоянием природы, завершается утверждением героического, возвышенного. Это картина-поэма, наиболее известное полотно мастера, написанное в 1890 году.

У каждого художника свои истоки, неповторимая судьба и свой путь восхождения к вершинам мастерства. Корни творчества Дубовского на донской земле. Он родился в Новочеркаске 5 декабря 1859 года. Отец, сотник Войска Донского, и не помышлял о том, чтобы сын был живописцем: ему уготовано было стать военным.

...Киевская Владимирская военная гимназия. Строгий режим и муштра от подъяема до отбоя каждый день. Но в душе юноши пробуждается неудержимая страсть к рисованию. Тайком от воспитателей, урывая часы утреннего сна, он встречает рассветы с карандашом и кистью в руках. Еще в раннем детстве, вспоминая позже художник, он любил взбираться на крышу своего дома, наблюдал и писал облака. Простор донских степей и займищ, высокое небо манили, влекли голубой далью.

Успехи юного Дубовского в рисовании были настолько очевидны, что отец дал сыну родительское благословение на поездку в Петербург и поступление в Академию художеств. Затем — годы учебы у видного пейзажиста и передвижника М. К. Клодта, настойчивое постижение основ профессионального мастерства. Он получил серебряные медали за натурные рисунки и живопись и оказался вероятным претендентом на золотую медаль, которая дала бы ему право на заграничный пенсион.

Но... следуя знаменитому «бунту 14-ти», Дубовской отказывается писать картину на заданную советом тему и выходит из академии без диплома. Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не поддержка старших товарищей-передвижников: Крамского, Репина, Ярошенко.

Первое же выступление молодого живописца на 12-й Передвижной выставке 1884 года принесло успех. Его небольшая картина «Зима» всех поразила... Все это чудесно — хорошо и ново. От Дубовского надо, кажется, много ожидать, писал критик В. В. Стасов. П. М. Третьяков приобрел картину для своей галереи в Москве.

Через два года новый успех — пейзаж «Ранняя весна». Эти работы Дубовского привлекали не темой и сюжетами — сельский, крестьянский пейзаж к тому времени уже прочно вошел в русскую живопись, — но поэтизацией простых, обыденных уголков природы, свежестью цвета, непосредственностью чувств. На привычные мотивы он смотрел как бы заново, с трепетом в душе. За всем этим было любовное, благоговейное отношение к природе, которую художник писал на Дону и в окрестностях Петербурга, и под Новочеркасском, в Мишкиной балке, так горячо им любимой.

Дубовской становится членом Товарищества передвижных художественных выставок. Время ставило перед пейзажистами масштабные задачи. Теперь мало было показать только лишь задушевную красоту и прелесть рассветов, закатов, весен и зим. В искусстве передовые люди видели чуткого резонатора общественных настроений, отражение духовной жизни эпохи.

Картину «Притихло», которая экспонировалась на Передвижной выставке 1890 года, некоторые исследователи прямо связывают с предгрозовой обстановкой в России, сложившейся в результате гнетущего давления бюрократического режима Александра III.

Третьяков немедленно заказал художнику повторение; по его мнению, оно «вышло лучше и больше размером, отчего мотив сделался грандиознее».

Полотна «Ураган в степи», «Облачко», помеченные тем же годом, что и «Притихло», свидетельствуют о широте живописных поисков художника.

Шли годы. С каждой новой картиной все яснее выявлялось самобытное лицо мастера. Каждодневная работа с натуры, заграничные этюды, горные пейзажи Кавказа... В разнообразную тематику произведений Дубовского широко входит водная стихия. И здесь романтическое чувство проявляется не только в изображении бурных состояний, но и в гармонии размеренной, внутренне сосредоточенной жизни: таковы «Штиль», «На Волге», «Радуга».

«На Волге» Дубовского вещь удивительная... Как сработана вода,

небо, сколько во всем поэзии — лучшая вещь на выставке, восторженно писал Репин Третьякову. «Симфонией в лиловом» назвал это произведение рецензент Передвижной выставки. Выдержанный в тончайших градациях лиловых тонов полотно производит чарующее впечатление.

Он не мыслит пейзаж без эмоциональных переживаний человека, и в картинах, изображающих раду, это выразилось наиболее отчетливо.

«Раскрепощать людское чувство». Слова художника, пожалуй, наиболее точно раскрывают суть его творческих устремлений. Дубовской — поэт эпического плана, он зорко вглядывается в жизнь природы и стремится разгадать скрытую в ней тайну воздействия на человека, на его настроение и психику. Но главной своей задачей, конечным результатом он всегда считал создание пейзажа-картины, которая по глубине идейного замысла, по силе эмоционального воздействия, по количеству «материала» для размышлений не уступит многофигурной композиции. «В искусстве, — говорил живописец, — много сторон, и чисто красочные разрешения нам тоже нужны, но что дороже: внешний лоск, который завтра же будет побит еще более нарядной живописью, или внутреннее, духовное содержание вещи, которое навсегда останется ценным».

Тема родины пронизывает все творчество художника. И многие холсты воспринимаются как часть большого поэтического образа России. Непросто воплотить его в одной пейзажной картине. Здесь важно найти такие художественные средства, которые позволили бы выразить «историю души» народа и его эстетические идеалы. У передвижников этот многозначный образ ассоциировался с бескрайними полями под высоким небом, затерянными среди первозданной шири крестьянскими селениями и, конечно, не мыслился без людей, возделывающих эту землю. «На пашне» Клодта, «Рожь» Шишкина, «Вечер на пашне» Левитана, «Родина» А. Васнецова... И когда мы видим монументальное полотно Дубовского «Родина», которое теперь находится в Омском музее изобразительных искусств, не читая названия, сразу воспринимаем пейзаж как образ большой пластической силы.

Выставленный для обозрения в год первой русской революции, он своим бодрым, жизнеутверждающим настроением вдохновлял на борьбу за счастье и процветание отчизны. В 1911 году картина экспонировалась на Всемирной выставке в Италии. Репин, находившийся тогда в Риме, прислал художнику письмо, в котором, со свойственным ему темпераментом писал: «Это лучший пейзаж всей выставки, всемирной, римской! Вас, Николай Никанорович, я особенно поздравляю. Еще никогда Вы не были так великолепны и могущественны. Оригинальная, живая и красивейшая картина!!!»

Итак, признание в России и европейская известность. Академик живописи, профессор пейзажной мастерской Петербургской академии художеств, имеющий серебряную медаль Всемирной парижской выставки 1900 года и золотую — мюнхенского международного «Сеце-сиона» 1913 года. Один из руководителей Товарищества передвижных художественных выставок в предреволюционные годы, пронесший его демократические идеалы и заветы до конца своей жизни...

Советский художник В. Бакшеев, вспоминая свои молодые годы, проведенные в Товариществе, писал, что Дубовской был душой объединения. Немало ведь возникало разногласий между старейшими передвижниками и молодежью. А Николай Никанорович для всех находил нужное слово. Его непоколебимая верность идеям и традициям передвижничества примиряла различные суждения мастеров и молодых художников. Пожалуй, после Крамского Дубовской единственный, который вызвал у своих товарищей такое единодушное уважение и симпатию.

Знаменательна его речь, произнесенная на собрании Товарищества в 1917 году, за год до кончины: «Может ли умереть великая идея, объединявшая так долго все передовое художественное общество и давшая такие результаты?»

Да нет же, нет! Поверьте: то здоровое начало, которое жило в передвижничестве, умереть не может. Оно возродится, оно нужно будет пробудившимся массам, и эта правда жизни, реализм, идеяность — все понадобится новому обществу... Разве мы своим искусством не раскрепощали людское чувство, не вели к свободе духа и завоеванию человеческих прав? Без этого искусство наше было бы праздной забавой и им не стоило бы заниматься».

Наиболее полно творчество мастера представлено на его родине, в Новочеркаске. Всмотритесь в репродукции. В каждом произведении — живая мысль и чувство художника, стремившегося открыть в неярком на первый взгляд пейзажном мотиве неисчерпаемую глубину человеческих переживаний.

Неутомимым тружеником, человеком высоких нравственных убеждений, общественного долга предстает Дубовской в своей творческой и педагогической деятельности. Правда и красота в живописи, труд на пользу общества — этим благородным принципам он оставался верен всю жизнь.

40 ЛЕТ
ПОБЕДЫ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Не обладай все живое памятью, воинству распалась бы связь времен. Но память есть. Многообразно проявление памяти, самого, быть может, таинственного свойства человека, а сильна она властью своей возвращать его в прошлое. Ветхие солдатские треугольники, гранитные плиты братских могил, изваяния женских фигур в скорбных позах у Вечного огня — все это наша память о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Время запахло рым и окисью на земле великого противостояния фашизму. И давно переплавлен ржавый нож, оставшийся от разбитых машин нашествия. Постепенно уходит из жизни поколение победителей — остается память, остаются памятники, поставленные благодарными потомками.

Памятники сегодняшнего Волгограда бесконечной вереницей поднимаются на легендарный Мамеев курган, чтобы отдать должное участникам — мертвым и живым — разгрома врага.

Приближалась для фашистов «летняя русская зима», она застала их в голой степи, у порога волжской твердыни. И грянул бой!.. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года шел беспримерный в истории последний, который закончился для нашего врага катастрофой. Двести дней и ночей стояли на смерти стalingградцы. Для них не было земли за Волгой. Великая река, словно тетива, напряглась, сдерживая натиск зарвавшихся полчищ. Сопротивление умножило силу стальной тетивы, она сдержала, а потом отбросила врага. Оборона обернулась контрнаступлением трех фронтов. Потери немцев в те дни составили около полутора миллионов человек, до трех с половиной тысяч танков, до трех тысяч самолетов, двенадцать тысяч орудий и минометов...

Победа на Волге означала перелом в войне в пользу Советского Союза. Участь тех, кто развязал на планете вторую мировую войну, была решена. Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии стойкостью и массовым

НА МАМАЕВОВОМ КУРГАНЕ

геронизмом заслужили бессмертную славу, — писал маршал Г. К. Жуков.

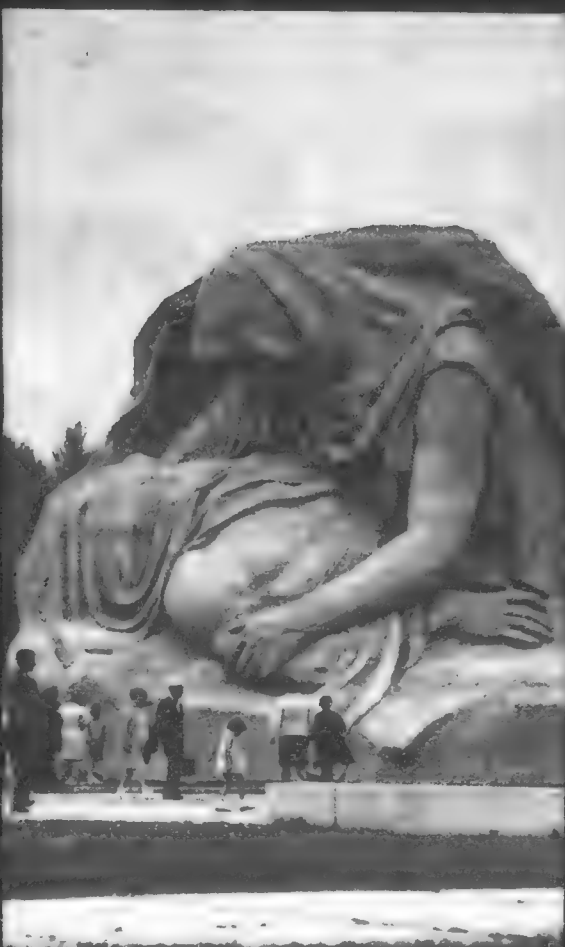
Эпопея на Волге стала фактом историческим. И застыли навечно ее герои в нагие и бронзе...

Ратный подвиг тысяч и тысяч защитников Родины... Бессмертная их слава — это память живых, память поколений. Мемориальный комплекс на Мамеевом кургане — святилище исторической памяти советского народа. Его авторы — это скульпторы, возглавляемые Е. Гучетичем, архитекторы Я. Белопольский, В. Демин, Ф. Лысов, инженерная группа, руководимая Н. Никитиным. Они увековечили кандадневные подвиги солдат дивизии А. Родннцава, армии В. Чуйкова, фронта А. Еременко... Тысячи названных и неназванных!

Это им память: факел в зале Воинской славы! Неугасимый огонь, зажженный потомками. Вечны слова, донесшиеся отсюда, из метельной степи 1942 года: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто из нас уцелел, но мы выполнили свой патристический долг до конца перед священной Матерью-Родной!»

...Женщина склонилась над Воином-Сыном. Это памятник всем сынам. А дальше фигура Родины-Матери с карающим мечом... Не тот ли самый меч, что опустился в Берлине, разрубив свастику!..

Николай БЫКОВ

ГДЕ ТЫ, САША?

В 1943 году, залечив рану, лейтенант медицинской службы Валентина Васильевна Васильева возвращалась из госпиталя в родной 663-й артиллерийский полк 218-й стрелковой Ромодано-Киевской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии. На станции Грязи под Воронежем она увидела горько плакавшего мальчишку лет двенадцати, оборванного и грязного.

— Кто тебя обидел?—спросила.
— Дядя. На товарном поезде я ехал на фронт, а он сказал: «Не положено!»—и ссадил.

— Что «не положено»?
— Может, ехать на товарном поезде, может, на фронт... Он не сказал.

— Ты хочешь на фронт?
— Еще как!
— Поедешь со мной,—быстро решила лейтенант Васильева.— Тебя как звать?
— Саша.

— В полку скажешь, что ты мой брат—Александр Васильевич Васильев.

— Я и есть Александр Васильевич, только Бакчеев. Мы с бабушкой в Удмуртии живем, в городе Ижевске. А папу с мамой я не помню...

«Фронт—не место для мальчишки»,—вдруг на мгновение засомневалась Васильева, но потом решила, что ее друзья-артиллери-

сты не дадут Саше пропасть на трудных дорогах войны.

Так Саша Бакчеев стал Сашей Васильевым, артиллеристом. Он оказался бойким, смелым и отчаянно смелым. Артиллеристы полюбили его, как родного сына. Ему сшили форменное обмундирование, стачали сапоги. Он подетски ласкался к бойцам и командирам и каждому старался хоть в чем-то помочь. Находясь почти все время на передовой, лейтенант Васильева редко видела «брата», и шефство над ним взял комсорг полка лейтенант Василий Иванович Кулинин.

Маленький артиллерист прошел с полком боевой путь по Украине, Польше, Германии.

Лейтенант медицинской службы Васильева была ранена еще раз и отправлена в госпиталь. Потеряв следы «брата», она упорно продолжает розыски и до сих пор всюду рассылает его фотокартонку далеких военных лет. Ищет и милиция, но...

Где же ты сейчас, Александр Васильевич Васильев-Бакчеев, маленький защитник Родины, любимец бойцов и командиров 663-го артиллерийского полка? Откликнись, если ты жив. Хочется, чтобы откликнулись и те, кто хоть что-то знает о судьбе Саши.

Е. КРЕЧЕТ,
полковник в отставке.

Москва.

Саша Васильев-Бакчеев.

ЧИТАТЕЛЬ ВЕДЕТ ПОИСК

ЧИТАТЕЛЬ—
ЖУРНАЛ—
ЧИТАТЕЛЬ

В этом доме родился И. В. Курчатов.

МУЗЕЙ НУЖЕН

На Южном Урале, в Челябинской области, в одном из красивейших горных районов есть небольшой старинный городок Сим. Здесь на улице Пушкина под № 1 стоит двухэтажный кирпичный, старой постройки дом, в котором родился и рос прославленный советский ученый-физик Игорь Васильевич Курчатов.

В этом доме по праву давным-давно должен быть мемориальный музей великого ученого.

Но вот уже много лет идет борьба между местными краеведами и администрацией завода, на территории которого он расположен. Есть опасения, что администрация собирается снести этот дом, дабы положить конец всяким разговорам о мемориальном музее.

В 1983 году страна отмечала 80-летие со дня рождения И. В. Курчатова. А как и чем его отметили земляки ученого?

Ожидалось, что в Сим придут многочисленные офици-

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

ТАЙНЫ СТАРОЙ КУЗНИЦЫ

Каюмджон Норматов.

Фото В. Счастлива

На дворе зима. По узким, кривым улочкам ветер гонит снег. Я вошел в кузницу и удивился: откуда здесь такой будто весенний аромат?

— Не правда ли, похоже на запах абрикосовых цветов? — подтверждает мою мысль Каюмджон Норматов. — Мой дед говорил, что лучшие ножи делают во время цветения абрикосов, когда ликует вся природа. А еще так бывает, когда мастеру хорошо работается...

В его руке — изящный, острый таджикский нож. Огонь горна переливается всеми цветами радуги на его лезвии. Удивительно красива костяная рукоятка. Такие ножи издавна считаются незаменимым атрибутом праздника, семейного торжества. Степенные мужчины разделяют ими мясо, режут морковь — и плом тогда душистее и вкуснее. Красивый нож — гордость любой семьи. Он передается от отца к сыну, от сына к внуку. Каждый нож — произведение искусства. Настоящий кордос — мастер по изготовлению национальных ножей — никогда не сделает два одинаковых.

Дед Каюмджона, Ходжи-Аюб Халилов, был известен не только в своем горном кишлаке Чорну Исфаринского района. Его ножи можно увидеть в музеях, они бережно хранятся во многих семьях. Знатки безошибочно определяют халиловские ножи среди десятков других.

Свое искусство Ходжи-Аюб унаследовал от предков. А у него не было сына, которого он научил бы своему ремеслу. Неужели обогреть нить семейной профессии?

Первым работой деда заинтересовался сын старшей дочери — силач, лучший волейболист в кишлаке, немногословный Каюмджон. Потом в мастерской стали засиживаться другие его внуки: Бобо и Зикриё. Ато и Яхё.

Ходжи-Аюб не сразу посвятил их в тайну своего искусства: серьезное дело не терпит спешки. Постепенно он начал рассказывать им о назначении многочисленных инструментов, повел в свою сокровищницу, где хранил красивые рога для рукояток, бутылки с хитроумными растворами, старинные ручные сверла и точильные приборы. Он говорил:

— В каждой виноградной лозе — тысячи бокалов невыпитого вина, в каждом нусе стали — тысячи несозданных ножей. Какое вино, какой нож достанутся людям, зависит только от мастера...

Прекрасный подарок — изящный нож! Из Чорну во все стороны везут ножи, созданные внуками Ходжи-Аюба. Сегодня на улицах кишлака ветер играет снегом, но в кузнице стоит удивительный запах абрикосовых цветов. Мастеру работается хорошо...

Душанбе.

Н. АСАДУЛЛОВ

«ТРЕБУЮТСЯ ХОЛОСТЯКИ...»

В № 22 «Огонька» за 1984 год опубликовано письмо Б. Хоромского «Хочу туда, где трудно». Автор письма рассказал, что у него, строителя по специальности, есть заветная мечта — возводить города, которых еще нет на карте, зарабатывать новые месторождения в самых отдаленных районах. Но вот загвоздка: новым стройкам требуются холостяки, а у него семья.

Редакция получила большое количество писем, авторы которых оказались в таком же положении, как Б. Хоромский, и просят ответить на некоторые вопросы, связанные с трудоустройством в новых регионах.

С этими письмами корреспондент «Огонька» З. Золотова познакомил заместителя председателя Государственного комитета РСФСР по труду Владимира Леонидовича ГУСАКОВА.

— На многих объектах Сибири и Дальнего Востока, Сахалина, к сожалению, еще не хватает рабочих рук, — начал разговор В. Л. Гусakov. — Значит, встает вопрос о перераспределении трудовых ресурсов, чтобы обеспечить дополнительные потребности предприятий и строек в кадрах. А теперь попробую прокомментировать почту «Огонька».

«У меня двое детей. Я не жду сразу всех благ. Но мне как отцу семейства хотелось бы и квартиру получить и место сыну в детском саду. Ответ один: нет жилья для семейных». (А. Нечипоренко, Воронежская обл.)

— Ситуация такая же, как у Б. Хоромского. Много еще ведется споров, кто выгоднее для стройки — холостяк или человек семейный. Для администрации, конечно же, нужнее холостяк: его на первых порах можно ограничить местом в общежитии. А если подумать шире... Приехала семья, значит, быстрее вырастет в стройку, корни пойдут... В сентябре прошлого года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему совершенствованию организованного набора рабочих и общественного призыва молодежи. Оно также предусматривает больше направлять рабочих с семьями на новые объекты.

Но чего греха таить, заводы и стройки мы вводим раньше, чем жилье и службы быта. Особенно в новых городах резко отстает жилищное строительство и строительство социального-культурных учреждений. К примеру, сейчас Госкомтруд приглашает рабочих и специалистов осваивать комплекс заводов по строительству пропашных тракторов в Елабуге. Огромнейшая будет стройка! А семейных мы можем принять только 25 процентов. Да и то разместить их придется в соседнем городе, будем возить за 25 километров. Через год-другой дома построят, а сейчас стоят вагончики. И просят от нас мужчин-холостяков. Постепенно, в зависимости от ввода жилья будем приглашать семейных.

«Дорогая редакция, посоветуйте, что мне делать, чтобы уехать на стройки Сибири и Дальнего Востока». (В. Нагорный, Астрахань.)

— Расскажу кратко общие положения. Судя по письмам, не только В. Нагорный, но и большинство других читателей не зна-

ет, что с этим вопросом надо обращаться в органы по труду по месту жительства: в управления по труду облисполкомов или отделы по труду горисполкомов и райисполкомов, бюро по трудоустройству. Здесь, прежде чем заключить трудовой договор, выясняются производственные, жилищно-бытовые условия на предприятиях, географические, природно-климатические особенности местности. Договор заключается с мужчинами в возрасте от 18 до 55 лет и с женщинами от 18 до 50 лет как для постоянной, так и для сезонной работы. И независимо от того, имеется профессия или нет. В исполкоме вы также узнаете, как оплачивается стоимость проезда рабочего и членов его семьи, сумму единовременного пособия.

Может случиться и так, что вам скажут, например: «Нет, дорогой товарищ, сейчас мы не направляем рабочих в Читинскую область». В этом случае вам предложат несколько адресов для самостоятельного трудоустройства. Адреса можно получить в Госкомитетах союзных и автономных республик. Выезжать на новое место работы следует только после получения вызова от администрации.

«Кончается срок службы в армии. Хочу работать шофером, желательно в отдаленных районах. Кто мне поможет устроиться?» (Д. Кузнецов, Житомир.)

— Если Д. Кузнецов решил выехать на работу непосредственно из воинской части, где он проходил службу, ему следует решить этот вопрос с командованием части или в политотделе по месту службы. После увольнения в запас он должен обратиться в органы по труду по месту прописки.

«Наша семья хотела бы переехать в совхоз, куда-нибудь далеко, лучше на БАМ. Мне 23 года, хочу работать дворником. Как сделать это?» (А. Пикарев, Чебоксары.)

— Автора письма хочу переадресовать в Управление переселения Госкомитета по труду Чувашской АССР. Уточню, что на переселение оформляются семьи, в которых не меньше двух трудоспособных. Переехавшим семьям предоставляется единовременное пособие, кредиты на строительство дома, надворных построек, на покупку коровы.

«Мы молодые врачи-педиатры. Среди медсестер и врачей нашего отделения тоже есть желающие поехать на Север, в Ямбург. Но как попасть туда?» (Ю. Яшин, Ульяновск.)

— Специалистам с высшим образованием надо обращаться в соответствующее министерство. Ю. Яшину и его друзьям — в Министерство здравоохранения РСФСР.

Но вернемся к письму Б. Хоромского. По просьбе редакции мы позвонили в Ставропольский крайисполком. Выяснилось, что автор письма, к сожалению, в управление по труду не обращался. А управление сейчас проводит набор рабочих в одиннадцать направлений Крайнего Севера и приравненных к нему районов. Как раз тех, которые нужны были Хоромскому. Уважаемый тов. Хоромский, в Ставропольском крайисполкоме ждут вас!

...И РОДИТЕЛЯМ ПОМОЧЬ

На уроки физкультуры ребята должны приходить в спортивной форме. В каждой школе она разная: где белые футболки, где красные майки или тонкие тренировочные костюмы. Да вот беда, их днем с огнем не сыщешь. Неужели нельзя этот вопрос решить централизованно? Как? Пусть школа заключает договоры с торговлей и закупает кеды, спортивные костюмы, футболки прямо на базе. Видимо, инициаторами такого решения вопроса могли бы стать и родительские комитеты. Хотелось бы узнать, есть ли школы, которые именно таким образом решают проблему. Если есть, то пусть администрация этих школ поделится опытом.

Г. ДЕШКИНА

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Надеемся, что Министерство просвещения СССР рассмотрит предложение читательницы «Огонька» и обратится в соответствующие ведомства.

альные и неофициальные делегации. И поскольку в городе нет музея, во Дворце культуры в срочном порядке была создана мемориальная комната. Но когда гости разъехались, замкнули комнату и... забыли о ней. Правда, для охраны пригласили милейшего и добрейшего пенсионера И. А. Козлова.

Я рабочий и не отношусь к числу краеведов, но искренне, по-человечески, по-граждански болею душой за их доброе, полезное и нужное дело. Тем более что местные краеведы располагают интересным историческим материалом о жизни и деятельности родителей учебного, его дедов и прадедов, о самом И. В. Курчатове. Кроме того, в Симе часто проводятся всесоюзные слеты пионеров-курчатовцев. Поэтому считаю, что просто необходимо в горном городке, сохранившем аромат уральской старины, в доме, где родился и вырос великий ученый, создать мемориальный музей.

И. ТЕТЕРЮКОВ,
токарь-универсал Симского
агрегатного производственного
объединения

Сим.

А. П. Чехов. Портрет В. А. Серова. 1902 год.

ХУДОЖ

Александр БАСМАНОВ

Рассказ, который Чехов считал наиболее отделанным, наиболее совершенным своим рассказом, — «Студент».

Студент духовной академии Иван Великопольский, возвращаясь в страстную пятницу домой из еще почти зимнего, продуваемого, нелюдимого леса, греется у костра на огороде и передает двум бабам притчу об отречении апостола Петра. И холод, и озноб, и синяя мгла с одиноким свечением костра настроили его на эту печальную притчу, он взволнован, вбирает в себя и проигрывает ее в своей душе с мельчайшими подробностями, и трагедия двухтысячелетней давности, рисуемые картины передаются бабам, и оттого одна из них плачет, а выражение лица у другой «стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль».

Что происходит в тот момент со студентом? Что происходит с бабами? Ведь если старуха заплакала, «то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе у Петра».

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух».

Здесь — напрямую передан процесс высшего созидательного творчества и чудесная сила его: образ и мысль, вылепленные настоящим художником, обретают некий самостоятельный смысл, направляют и ведут не только того, кто принимает результат искусства, но и самого автора, так же всем существом заинтересованного в том, что же все-таки происходило «в душе у Петра».

До Чехова на такое был способен, пожалуй, один Толстой. Но Чехов писал по-другому, Чехов вообще писал не похоже ни на кого, и потому Толстой назвал его мастером несравненным, создавшим новые для всего мира формы, совершенно особенные — «как у импрессионистов».

В чем оказались новации Чехова? Как мы знаем, не только в том, что он ввел в русскую литературу короткий рассказ, где на двух-трех страницах, спектрально мог отразить мир. И не только в том, что язык этого рассказа явился совершенно оригинальным в гибкости и оттенках, но, главное, в том, что вся система рассказа была построена на лирике, то есть на движениях чувств, и потому за прямым текстом открывался подтекст, за детально и правдиво переданными отношениями людей — образ отношений.

Вот почему Толстой называл Чехова еще и Пушкиным в прозе, а еще — художником жизни.

О вагоне «для устриц» — зеленом, с коричневой полосой, — в котором привезли из Баденвейлера тело Чехова, вспоминали многие, а Горький и вовсе обобщил, сказал, что таким образом Чехову отомстила пошлость, так тщательно и бесстрастно описанная им реальная действительность. И правда, если бы сам Чехов видел подобное, он бы, безусловно, взял это: в таком вагоне могли доставить тело, например, его замечательного Дымова из «Попрыгуньи», если бы Дымов умер где-нибудь в Баденвейлере или Тамбове.

Вообще похоронные дни, известно, прошли как в тяжелом сне: сперва, несмотря на лето, серый и зябкий Петербург, станционное начальство, не знавшее, кто такой Чехов, потом, наоборот, Москва — сотни заплаканных лиц в

НИК ЖИЗНИ

веренице процессии к Новодевичьему кладбищу, гора цветов на его могиле рядом с могилой казачьей вдовы Кукаретниковой — опять же нечто совершенно чеховское прощально мелькнуло в этом имени, будто из имен персонажей «осколочного» периода.

А чуть позже, жарким, сонным, с горячим, южным ветром и «тусклым блеском неба», степным июлем 1904 года, Бунин, редко получавший корреспонденцию и ничего не знавший, живя в деревне, развернул одну из дошедших наконец газет — «и вдруг точно ледяная бритва полоснула по сердцу».

Бунин — последний из русских классиков прошлого века и определенно прямой ученик Чехова, быть может, единственный. В Ялте они проводили вместе дни и недели, и ученик с упоением впитывал чеховское изящество — важнейшее его личное свойство и высший критерий, которым он сверял для себя и жизни, и любовь, и литературу. Из тех времен словно шелком выткались и стихи:

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покаптый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел...

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

Удивительный портрет! Чехов, «улыбаясь», красками и очертаниями, рисует в воображении свои похороны: покаптый крутосклон сада, пепельную громаду горы за ним, сахарный куб дома на фоне лазурного неба, солнечные пятна между листвою, цвета спелой сливы одежды священников, дрожание свечных огней...

Такое впечатление, что он не боялся смерти. Он несколько раз впрямую говорил об этом, но самое его значительное высказывание своего бесстрашия — в письме к Суворину, где представляется время, великое для техники и науки, но «для нашего брата» рыхлое, кислое, скучное: «Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение... Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь».

Какая безжалостная требовательность и уничтожающая самооценка человека, всю жизнь звавшего к правде и красоте, заставляющего нас и через сто лет плакать, смеяться и думать!

В быту он был довольно сух, скуп на слова и чувства, будто экономил их для чистого листа бумаги. Один из поклонников, явившись с заочным представлением о нем как о личности «нежной», поразился, увидев подлинного Чехова: слова в его рассказах лились, «красивы и грустны, как в песне тихой и печальной; а взгляд человека, который говорил со мной, был холоден, слова коротки, сухи и отрывисты. Мне казалось, не мог этот человек написать те рассказы».

Такова общая память: полной глубины его души не знал никто, он был любезен, иногда даже ласков, но всегда держал между собой и людьми определенную дистанцию. И эта скупость и экономия чувств во внешней жизни, вероятно, собирали, фиксировали, спрессовыва-

ли их в жизни внутренней, душевной, и потому за работой он мог увидеть и рассказать, что голуби, взлетев над голубятней, становятся золотыми от солнца; что трусливая собака подходит к хозяину так, словно лапы ее касаются раскаленной плиты; что севастопольская бухта глядит, как живая, множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз; что осмеленные бочки, горящие ночью, освещают свой собственный дым; что в городе Екатеринбурге каждый извозчик похож на Добролюбова; что у людей, ноздри которых глядят кверху, выражение лица кажется насмешливым и хитрым; что роскошные зеленые ковры на берегах, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сумку до будущей весны; что, как испуганные молодые мурашки, жалится друг к другу избы; что почти у всякой молодой женщины в присутствии незнакомого мужчины натянута-равнодушный вид; что старики, только что вернувшиеся из церкви, всегда испускают сияние; что два облачка уже отошли от луны и стояли поодаль с таким видом, как будто шептались о чем-то таком, чего не должна знать луна...

Точно так же сдерживал, экономил он в себе и любовь к женщине, хотя едва ли кто лучше рассказал о любви, чем рассказано им в «Жене», в «Страхе», в «Доме с мезонином», в «Рассказе неизвестного человека», в «Трех годах», в «Даме с собачкой». И едва ли после пушкинской Татьяны и тургеневской Лизы возникали у кого в нашей словесности такие пленительные и чисто русские женские образы, под обаянием которых потом, безусловно, вышел весь лирический цикл буниных «Темных аллей». Собственно, именно его автор, все тот же Бунин, впервые подметил эту чеховскую экономию своей любви: «Была ли в его жизни любовь страстная, «романтическая», слепая? Думаю, нет. И это очень знаменательно. А ждать такой любви он, несомненно, мог».

Характер, интонация отношений между Лидией Алексеевной Авиловой и Чеховым переданы в рассказе «О любви». Полуобнищавший помещик Алексин влюбляется в Анну Алексеевну Луганович, молодую замужнюю женщину. Он понимает незаконность своей любви, но продолжает бывать в доме Лугановичей, ибо в глазах избранницы видит ответ на свое чувство. Та же друг от друга в главном, они остаются добрыми знакомыми несколько лет, пока не наступает время разлуки навсегда: мужа Анны Алексеевны по службе переводят в другой город. И только случайно, оставшись в купе вот-вот уже отходящего поезда на минуту наедине, они признаются друг другу в своей долгой любви.

С начинающей писательницей Авиловой Чехов познакомился на вечере у редактора-издателя Худекова, прощаль — спустя годы — вправду навсегда и вправду на вокзале, когда пришел повидаться с ней, транзитно проезжавшей куда-то через Москву: от поезда до поезда составлялось не больше двух часов. Сидели в вокзальном ресторане.

— А я, — сказал Чехов, — вот что хочу предложить вам: сегодня вечером играют «Чайку» только для меня. Посторонней публики не будет. Оставайтесь до завтра. Согласны?..

Авилова, озабоченная детьми и большим, плохо устроенным багажом, не согласилась. Потом Чехов беспокоился, что она в холод едет в легкой одежде, хотел послать за драповым пальто и вдруг, когда Лидия Алексеевна, не желая обременять, отказала и в этом, сделался расстроенным, строгим, несмотря на обычно шутовское: «Даже если заболите, не приеду, — сказал он. — Я хороший врач, но я потребовал бы очень дорого... Вам не по средствам. Значит, не увидимся».

О своей любви Авилова молчала долго, и только через десять лет после смерти этой женщины были напечатаны ее воспоминания. В них есть пересказ тонких замечаний Чехова о литературном ремесле — посторонний шлифовке, о том, что следует «не писать а вышивать по бумаге», о стремлении к элегантности и грациозности писательского труда, «кропотливого, медлительного», о том, что фразу «надо делать» — в этом искусство.

Добавим: словесную ткань Чехов чувствовал как кружева и музыку вместе, и, наверное, именно отсюда родилось его знаменитое трехчленное предложение, — послушайте из «Мужиков»: «Ольга подолгу смотрела на разливы, на солнце, на светлую, точно помолодевшую церковь», или из «Дяди Вани»: «Там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько»; или из «Дамы с собачкой»: «Она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была».

Все, что уже где-то и кем-то описано, должно было, по его мнению, «объезжаться как яма». Он противопоставлял изысканности простоту, гладкости — живость, свободную небрежность, описательным длиннотам — смелость сравнений.

«Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холодным, как лед». Вероятно, в этом и обвинила его Авилова, отправив после прочтения «О любви» письмо автору, где сравнивала всякого беллетриста с пчелой, берущей мед откуда придется, укоряла холодную душу, которую вытеснил талант.

«Вы несправедливо судите о пчеле, — ответил ей Чехов. — Она сначала видит яркие, красивые цветы, а потом уже берет мед».

Что же касается всего прочего, — равнодушия, скуки, того, что талантливые люди живут и любят только в мире своих образов и фантазий, — могу сказать одно: чужая душа потемки».

Продуктивность раннего Чехова поистине потрясающая: в 1883 году было напечатано сто двадцать его юморесок, сценок, комических зарисовок, а в 1885-м — сто двадцать девять, потом же начинается медленный спад этой продуктивности: в конце жизни, в 1902-м и в 1903 годах, из-под его пера выходят всего по одной словесной вещи, зато это «Невеста» и «Вишневый сад».

Что ввело Чехова в литературу? Две полярной разности причины: искрометность личного остроумия и жестокая материальная нужда — он один кормил большую семью. Мелкая юмористическая пресса давала возможность сколько угодно шутить и весело смеяться, она неплохо платила и поощряла скоростное, — до сих пор удивляют эти сотни годовых публикаций, подготовленных студентом такого серьезного факультета, как медицинский.

Потом Чехов утверждал и впрямь, что писал в молодости машинально и полубессознательно, зная — занимается (его слово) «вздором» — и всячески стараясь «не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал».

Те вначале смутные, а потом все более четкие и четкие образы и картины ждали, наверное, своего времени: 1887 и 1888 годы принесли пьесу «Иванов» и повесть «Степь». С «Иванова» начинается расти и развиваться до полной своей зрелости чеховский герой — думающий, страдающий, рефлексирующий, ищущий и не могущий найти выхода из нравственного тупика русский интеллигент, как правило, человек, живущий в деревне. Со «Степи» начинается чеховская Россия. Тут нет фабулы, сюжета, ни одной внешне эффектной черты: есть гениальные пейзажи, есть абрис психологии и характеров нескольких простых людей. Но в «Степи» ощущается движение к тому настоящему, подлинному, самому главному в жизни, что, собственно, и есть жизнь.

1887 и 1888 годы — точка отсчета и всех следующих веж его судьбы: Сахалина, работы на голоде, мелиховского периода, провала «Чайки», наконец, последнего и самого драматического периода — ялтинского.

Понимал ли он страшную мощь своей болезни и видел ли отчетливо свой срок? Конечно, понимал и видел, поскольку был профессиональным и практикующим врачом. Да, собственно, сколько раз он уже описывал эту болезнь и безысходную смерть от нее — и в «Цветах запоздалых», и в «Рассказе неизвестного человека», и в «Черном монахе».

«Он хотел позвать Варвару Николаевну, которая спала за ширмами, сделал усилие и проговорил:

— Таня!

Он упал на пол и, поднимаясь на руки, опять плакал!

— Таня!

Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле,

свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна. Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо».

Коврин умер в севастопольской гостинице, остановившись в ней на ночь по пути в Ялту. Та ночь радовала тишейней теплой погодой, и в растворенное окно входил запах моря, и виднелись луна и огни, ставшие синими-зелеными в своем отражении в зеркале бухты. Из окна чеховского кабинета тоже выдилось море, окруженное амфитеатром домов, и по вечерам огни города, звезды на бархате черного неба и отражения в воде, будто под властью уже описанного, сливались в один мерцающий ореол.

Ялта для Чехова — как бы знак одиночества: «Ночью был пожар, я встал, смотрел с террасы на огонь и чувствовал себя страшно одиноким». Но одиночество дружило с ним не только в Ялте, всегда: его старинная печатка, оттискивающая на сургуче — «Одинокому везде пустыня», его строка в записной книжке: «Как я буду лежать в могиле один, так в сущности я и живу одиноким»... И все же Ялта — последний и самый сильный этап этого одиночества.

Как бежал он от проповедничества, считая это дурным тоном, полагаясь только на верное изображение мира, — такая картина сама собою, по его мнению, доказывала, что хорошо, а что плохо: «Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые».

На этой дороге к полной правдивости ему мешала фабула, и на примере его драматургии видно, как он старался изживать ее: от почти мелодраматического «Иванова» с самоубийством героя на глазах у публики, через «Чайку» с романтической героиней, романтической декорацией, романтическим монологом и самоубийством за сценой, через «Три сестры» с пожаром и дуэлью к «Вишневному саду», где ни одной броской краски и романтического персонажа и где вместо убийства или самоубийства — продажа с аукциона имения.

О чеховской драматургии было много споров (Толстой: «...не понимаю, зачем он пишет пьесы»). Бунин: «...совсем невероятно к тому же, что Лопухин приказал рубить эти доходные деревья с таким глупым нетерпением, не давши их бывшей владелице даже выехать из дому: рубить так поспешно понадобилось Лопухину, очевидно, лишь затем, что Чехов хотел дать возможность зрителям Художественного театра услышать стук топоров, воочию увидеть гибель дворянской жизни, а Фирсу сказать под занавес: «Человека забыли...»). Но настоящая слава пришла к нему именно через театр.

Теперь видно — чеховская театральная слава оправдана и доказана временем: ясно понимаешь, что есть особый и ни с каким другим не сравнимый мир его не только в прозе, но и на сцене, мир, герои которого живут пусть странной, но своей жизнью, не провозглашая в зал как прописных, так и живых сентенций, потому что автор презирал общие места и ложь во всех видах: «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им».

Но ему дана была не только эта сила — художника, но и еще одна, очень значительная сила: способность учить, не поучая. Вот они перед нами, его чудесные и дурные, разные дети, знакомые, кажется, чуть не с рождения и как бы растущие и меняющиеся вместе с нами: душечка Ольга Семеновна, Анюта, Авдотья и Треплев, Дымов, Володя большой и Володя маленький, Таня и Коврин, студент духовной академии Иван Великопольский, Юлия и Лопухин, Ариадна, Мисаил, Мисаил Полознев, Ионыч, Гуров и Анна Сергеевна Дидериз, чья лорнетка навсегда потеряна на ялтинском молу.

Зимними днями мол обычно мокр и пустынен, как пустыня и туманна вся Ялта, как пустынен и тих дом Чехова на верхотуре в Аутке. Его хозяин медленно ходит между деревьями, потом садится на сырую скамью. О чем думает он? Об оставшихся ему днях? О том, как будет жить люди через двести — триста лет, о худобе своей руки, ставшей уже совсем восковой, о глухом шуме моря, гово-

СЧАСТЛИВОЕ МЕЛИХОВО

С директором Государственного музея-заповедника
Ю. К. АВДЕЕВЫМ
беседует корреспондент «Огонька» Ю. ОСИПОВ

Фото А. ГОСТЕВА

«Красные ворота, широкий двор, низкие постройки... Расстилается луг. Влево — купа деревьев, прямая, как ремень, березовая аллея... «Какой наивный двор», — писал о нем Чехов. И правда, что-то милое в этих невысоких амбарах, строениях, конюшнях. Поражает изобилие изгородей, заборов, перегородок, плетней... Направо — одноэтажный, с затейливыми окнами дом, с большой террасой, крытым переходом, соединяющим главное здание с пристройкой-кухней... Флигель — это тот самый маленький домик в саду, выстроенный самим Чеховым, в котором он жил и работал. Здесь написана «Чайка».

...Идем к дому. Навстречу выбежали две таксы... Точь-в-точь Хина и Бром... И казалось таким естественным, что вот сейчас выйдет и сам Антон Павлович и скажет, притворно сердясь на собак: «Хотите, подарю пса? Вы не поверите, до чего глупая собака!»

Но Чехов не выйдет... И собаки эти уже не те, и уже в доме не так, как было когда-то. Из вещей Антона Павловича остались здесь рояль да письменный стол, вот и все. Остальное вывезено в Ялту».

Таким увидели Мелихово накануне первой мировой войны поэт И. Белоусов и литературовед Ю. Соболев. Управлял тогда имением местный крестьянин Прокофий Симанов, тот самый, что был при Чехове здешним старостой и близким доверенным лицом во всех хозяйственных и общественных начинаниях писателя, а впоследствии — ревностным хранителем его памяти. Он-то и показывал гостям «чеховские владения». Их очерк, напечатанный в 1918 году в книжке «По родным местам», стал первым описанием Мелихова, которое появилось в печати после Октябрьской революции.

...Директор мелиховского музея-заповедника Юрий Константинович Авдеев осторожно разглагольствует ладонью пожелтевшие листы первых описей чеховских реликвий, составленных под диктовку Симанова для комиссии по охране памятников старшим учителем Мелиховской народной школы А. П. Грачевым с указанием мест, куда эти вещи были направлены из Мелихова. Это ему, временному хранителю вещей, вручили 28 мая 1919 года первую охранную грамоту на чеховские реликвии — значительно более раннюю, чем на аналогичные вещи в Москве, Ялте, Таганроге.

— Давно нет в живых первых хранителей и собирателей мелиховского мемориала, — говорит Ю. К. Авдеев, — но вещи пережили людей, обрели новую жизнь и связаны с легендами. В 1960 году из районной больницы имени А. П. Чехова переехали в музей буфет, фарфоровый таз и стерилизатор, которые поступили в больницу из Мелихова в 1918 году. Совсем недавно при оборудовании филиала музея «Медицинский пункт доктора Чехова» в Крюкове из той же больницы мы получили пять кресел, обитых кожей, и стоячую вешалку. Архивные документы подтвердили их при-

годия научные паспорта, превращающие эти предметы домашнего обихода в бесценные музейные экспонаты. Жизнь им предстоит долгая...

История создания мелиховского мемориала примечательна.

Вот волнующий документ: «...Мы, члены сельскохозяйственной артели с. Мелихова, решили ходатайствовать перед районными и областными организациями о реставрации флигеля и усадьбы Чехова в Мелихове, закупки и заготовке для этой цели необходимого строительного материала... Учитывая огромные заслуги Чехова перед крестьянами с. Мелихова в деле народного образования, мы просим райисполком и Мособлисполком присвоить имя Чехова мелиховской начальной школе, выстроенной на средства А. П. Чехова и М. П. Чеховой, повесить мемориальные доски на флигеле, в котором работал и жил Чехов, и на большом доме. Просим Лопасненский райисполком и Мособлисполком присвоить имя Чехова мелиховской сельскохозяйственной артели.

30/1-40 г.»
До конца войны оставалось еще полтора года, когда в Мелихово был послан демобилизованный по ранению Петр Иванович Ваняг. Он стал переписываться с Марией Павловной Чеховой, бессменной хранительницей ялтинского Дома-музея писателя. «Уважаемая Мария Павловна! — писал он. — Осенью 43-го года при крайне тяжелых условиях военного времени я и моя жена-педагог приступили к организации музея и библиотеки Антона Павловича в Мелихове... При содействии самой широкой советской общественности уже к 1 января 1944 года мне удалось привести в порядок парк и открыть во флигеле... музей, а в большом доме, перенесенном с усадьбы на другое место, перестроенном, библиотеку-читальню...»

Сделать музейную экспозицию Ваняг не успел. Обострилась болезнь, полученная на фронте. Вскоре он умер. Первая выставка «Чехов в Мелихове» открылась в 1950 году. Ни одного подлинного экспоната на ней не было, только фотокопии. Супругов Ваняг сменили Авдеевы, чтобы продолжить все начатое ими и поставить Мелихово в один ряд с Ясной Поляной, Спасным-Лутовиновым, Михайловским...

Знаменательное совпадение. Именно через Пушкиногорье шел Юрий Константинович к Чехову. Фронтным художником попал он сюда со своей частью зимой сорок четвертого. Ступая след в след за саперами, видел пепел Михайловского и рисовал увиденное.

Вчерашние фронтовики поднимали из руин памятники Отчечеству, «животворящие святыни» нашей духовной культуры. На усадьбе в Мелихове вновь застучали топоры — началось восстановление чеховского дома, там, где он стоял когда-то.

— Главный архитектор реставрационной мастерской института «Моспроект» Афанасий

Памятник А. П. Чехову в Мелихове работы Г. Мотовилова и Л. Полякова *
У дома Антона Павловича.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
На крыльце мелиховского дома *
Письменный стол писателя * Книжки с чеховскими автографами * Аллея

Д. Яковлевский МОСКВА
ГАЗЕТНЫЙ ПЕРУГОЛЬ КЪЗНЕЧНАГО МОСТА
Д. ХОМЯКОВА

Александрович Афанасьев обследовал буквально все, что осталось от усадьбы, даже резные карнизы, уцелевшие в некоторых деревенских избах. Затем были проведены раскопки фундамента дома и печей,— продолжает Юрий Константинович свой рассказ.—Циркулем вымерялась каждая деталь окна, лист железа на крыше, каждый порог террасы, и все вычерчивалось на отдельных листах. Работа оказалась настолько трудоемкой, что, помимо нас с Любовью Яковлевной, в ней стали принимать участие старшие дети архитектора, а их у него было одиннадцать человек.

К созданию музея привлекли и художника С. М. Чехова, племянника писателя. С помощью Марии Павловны он сделал планы дома, усадьбы и всего имения. Само собой распределились роли в чеховской семье. Мария Павловна «царствовала» в Ялте. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова шефствовала над московским музеем писателя, а Сергей Михайлович посвятил себя Мелихову.

Архитектор Афанасьев умер, не завершив строительства чеховского дома. Трудности наваливались со всех сторон. Где теперь, например, возьмешь изразцы для голландских печей, а мы к тому же искали местные, которые были сделаны в Серпухове, в мастерской Ватутина. Нам повезло, ломали печи в двух домах серпуховского знакомого Чехова—Троицкого. Материал был обеспечен, включая медные отдушники, дверцы. Нашелся и печник, в совершенстве знавший это забытое ремесло.

В узких улочках старого города в маленьких деревянных домиках хранились сундуки с бабушкиным приданым. Друзья музея, собиратели, ходили по домам, убеждали, выпрашивали и покупали медные дверные и оконные ручки прошлого века, шпингалеты. Старались брать из тех домов, в которых бывал Чехов. Потом эти ручки привинчивались к дверям мелиховского дома взамен поставленных строителями, и под ручку закладывалась записка с названием дома, откуда она взята...

— Ну, а первый мемориальный экспонат Мелихова, каким он был?

— Приступив к собиранию чеховских реликвий, мы с Любовью Яковлевной выяснили, что в соседней деревне живут бывшие учительницы талейской школы сестры Бочковы. В архиве Чехова имелось только одно их письмо к писателю. Личного знакомства у Бочковых с Антоном Павловичем так и не состоялось, поэтому от встречи со старушками мы не ждали ничего особенного. Тем не менее я отправился за шесть верст в деревню Чирково.

Добрался к сестрам уже ночью, до нитки вымокший под дождем. Разговорились. «Кое-что осталось у нас на память»,— неожиданно сообщили женщины и принесли книгу стихотворений С. Дрожжина с надписью в правом углу титульного листа: Антон Чехов. «Это Антон Павлович в библиотеку школьную подарил... А вот вам визитная карточка» — прямоугольный кусочек картона, и на нем четко в две строчки: Антон Павлович Чехов.

Визитная карточка легла на зеленое сукно письменного стола, и Чехов как бы вновь стал хозяином мелиховской усадьбы. С тех пор все здесь подчинено его вкусам и желаниям...

Рабочий стол писателя — предмет особой гордости Авдеевых. И не случайно. Для Чехова он много значил, с ним связана целая история. Антон Павлович вообще привык к вещам, умел за ними ухаживать и не любил расставаться с привычными предметами.

5 марта 1889 года Чехов пишет А. С. Суворину: «...Меня захватило, и я почти не отхожу от стола. Между прочим, я купил себе новый стол». То был первый письменный стол, купленный Антоном Павловичем по своему вкусу. С ним он переехал в 1891 году в дом Фирганга на Малой Дмитровке, а в 1892 году — в Мелихово. Там стол путешествовал из комнаты в комнату, из дома во флигель и обратно, пока в 1899 году не отправился следом за хозяином в Ялту.

А. П. Чехов — М. О. Меньшикову 20 октября 1899 года: «Теперь у меня перестали стучать, стол мой на своем месте, и я могу работать». Брат писателя, Михаил Павлович, указывает, что за этим столом, перевезенным из Мелихо-

ва, созданы все лучшие чеховские произведения с 1892 по 1899 год включительно. Новый стол, по сообщению Марии Павловны, посланный в Ялту из Москвы 5 мая 1900 года, понравился, очевидно, потому, что более подходил интерьеру просторного, недавно отстроенного дома, в котором не хватало мебели. Впоследствии, когда Чехову требовалось приехать из Ялты в Москву, он и там хотел иметь только свой, а не чужой, взятый напрокат письменный стол.

— Мелиховский стол ныне вернулся на прежнее место, и если говорить о подлинных вещах Антона Павловича, их культурной ценности и эмоциональном воздействии на гостей нашего музея, то главным экспонатом, безусловно, является этот неповторимый письменный стол, служивший Чехову почти 12 из 25 лет его литературной деятельности...

«Не будьте педантами! Создавайте чеховское настроение», — напутствовала супругов Авдеевых Мария Павловна, когда они впервые приехали к ней. А возвращались они из Ялты, нагруженные бесценной ношей — личными вещами Чехова. Со станции шли пешком (дороги в Мелихово еще не было, транспорта тоже). На салазках везли тяжеленный чемодан, а за спиной в рюкзаке тащили гипсовые слепки, служившие в мелиховские годы МаПа — так шуточно звали Марию Павловну близкие — наглядными пособиями для занятий рисунком. «Черт знает какие Чеховы все талантливые», — говорил Левитан, глядя на ее рисунки.

Первый дар хранительницы ялтинского Дома-музея А. П. Чехова был приурочен к нашей музейной премьере. 15 июля 1954 года по решению Всемирного Совета Мира и ЮНЕСКО отмечалось 50-летие со дня смерти великого русского писателя. В этот день у входа в мелиховский сад, на широкой круглой поляне, окаймленной тенистыми вязами, прямо на земле расположились колхозники и молодежь из соседних деревень. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР с 15 июля Лопасненский район переименован в Чеховский, а рабочий поселок Лопасня — в город Чехов. Тот год можно назвать началом популярности Мелихова.

Начались и подарки новому музею. Явилась на свет корзина, с которой Антон Павлович ездил на Сахалин. Ольга Леонардовна корзина, обшитая кожей, приглянулась, и актриса брала ее в дальние заграничные поездки.

В своих воспоминаниях вдова Чехова писала: «Три чудесных весенних солнечных дня провела я в Мелихове... Все там дышало уютом, простой здоровой жизнью... Антон Павлович, такой радостный, веселый... показывал свои «владения»: пруд с карасями, которыми гордился... огород, цветник. Он очень любил садоводство, любил все, что дает земля...» Второй раз Ольга Леонардовна приезжала в Мелихово в августе 1957 года. «У меня нет слов от воспоминаний», — записала актриса в книге отзывов. И прибавила: «Антон Павлович был бы доволен...»

Прошли годы. Давно восстановлен и успел состариться мелиховский дом. В него переселились от ближайших родственников Чехова вначале сотни, а потом тысячи семейных реликвий. Более трех миллионов посетителей побывало здесь за 30 лет. Возрожденное Мелихово стало местом паломничества кинематографистов, писателей, ученых. А неутомимая чета Авдеевых во главе небольшого штата сотрудников по-прежнему благоустраивает усадьбу, открывает новые музейные филиалы, охотится за новыми экспонатами.

Вот и сейчас в московской квартире внучатого племянника писателя, где мы в очередной раз беседуем, Юрий Константинович и Любовь Яковлевна бережно перебирают давно присмотренные ими материалы, которые войдут в число очередных фондовых поступлений музея.

— Чем обогатилась за последнее время основная мелиховская экспозиция?

— Современная музейная наука относит к кругу мемориальных экспонатов также вещи близких, друзей. Недавно исполнилось 125 лет со дня рождения Федора Осиповича Шехтеля, академика архитектуры, автора проекта Ярославского вокзала, Художественного театра, знаменитого особняка Рябушинского, в котором ныне находится Музей-квартира А. М. Горького, и других уникальных зданий. С Чеховым его связывала большая дружба. Мы знаем, что Шехтель расписал занавес спектакля «Чайка», ставший с тех пор символом МХАТа. А теперь, по архивным данным выяснилось: мелихов-

ский флигель «Чайки» — произведение все того же прославленного архитектора. Вот какие бывают неожиданные открытия внутри, казалось бы, общезвестного!

Но это еще не все. В кабинете писателя справа висит резной шкафчик работы абрамцевских мастеров. Точно такой же шкафчик, сделанный самим Шехтелем, мы обнаружили в его квартире... Он прислал Антону Павловичу намин для кабинета, и лампа в комнате Марии Павловны тоже из шехтелевской квартиры. Едва ли не интереснейшее растение на усадьбе — сахалинская гречиха была подарена Чехову Шехтелем. В то время сто семян сахалинской гречихи продавали за четыре рубля. Немало труда стоило нам вырастить ее...

А любимый чеховский огород «Юг Франции»? А посаженные им берлинские тополя и кольцо вязов на поляне, масса цветов, именно тех сортов, о которых Антон Павлович и его сестра упоминают в письмах... В Мелихове Чеховы впервые начали вести натуральное хозяйство, и на стол шли собственные овощи, молоко своих коров, масло, грибы, ягоды, фрукты.

Вечерами в маленькой уютной гостиной матово поблескивал в пламени керосиновых ламп выпуклый бок роаяля; кто-нибудь из гостей пел под аккомпанемент, а Мария Павловна и Николай Павлович, пристроившись рядом с Левитаном, делали быстрые наброски собравшихся. Случалось, Антон Павлович выходил из кабинета и, тихо став у двери, улыбаясь, смотрел и слушал.

Счастливым дом называли его те, кому довелось побывать здесь. Таким он остается и сегодня.

Но это не снимает проблем музея.

— Недавно, — рассказывает Ю. К. Авдеев, — погибло тридцать восемь наших вязов, каждому из которых было не меньше ста лет. Главное украшение усадьбы — чем-то их надо заменить. А чем? Другая проблема — посещаемость. Трудно представить, в этом году мы приняли триста тысяч человек, то есть провели 15 тысяч экскурсий, лекций. Конечно, такой наплыв гостей нас радует, однако создает определенные сложности. Ведь хочется, чтобы все приезжающие сюда могли побродить по саду, полежать на траве и даже искупаться в пруду. Но у мемориального ландшафта свой «предел прочности», не говоря уже о небольшом деревянном доме и флигеле. За людьми же там подчас и стен не увидишь. А как быть с теми, кого Семен Степанович Гейченко величает «паломниками», с теми, кто готовился к встрече с Чеховым специально, задолго, перечитал его книги и письма, прочитал о нем самом и о Мелихове? Эти люди желают и имеют право побыть с Чеховым у него дома наедине, неторопливо, раздумчиво, душой. И мы обязаны дать им такую возможность. Открытие филиалов музея позволяет нам варьировать экскурсии, хоть как-то разгружать на некоторые часы центральную усадьбу.

И вот что еще мне хотелось бы сказать напоследок. Давно назрела необходимость создания общего научно-методического центра для всех чеховских музеев. Тогда нам легче будет координировать совместную деятельность и избежать опасности дублирования работы друг друга. В этой связи пора, думается, Мелихову выйти из статуса областного подчинения, который крайне ограничивает наши права и возможности, и обрести, наконец, ранг всероссийского музея, каким он был задуман и каковым, в сущности, является...

— Какое же время года в Мелихове самое лучшее?

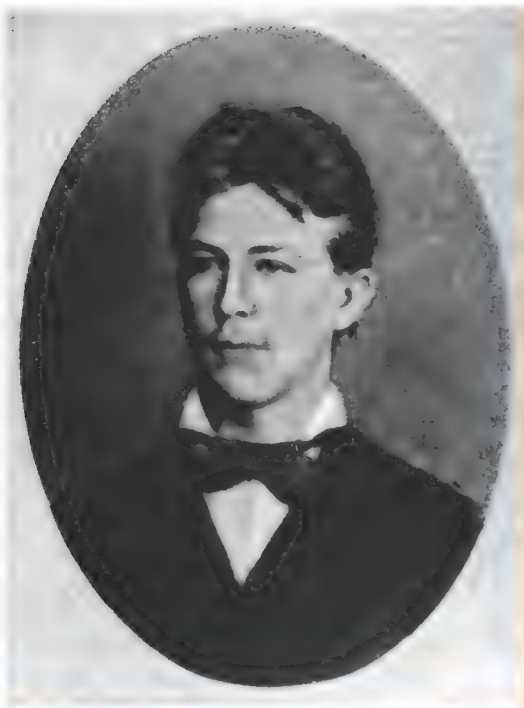
Юрий Константинович улыбается:

— Лучшее время года у нас апрель и май, когда распускаются леса, говорил Чехов. Лето пыльное, красивое, множество цветов, деревья гнутя под тяжестью плодов. Тоже хорошо! Осень слегка грустная, с яркими кленами, с золотящимся вдали лесом. Красиво, а дух захватывает... А еще лучше зима. Чехов в первые дни после переезда в Мелихово писал — снег, голые деревья, а представьте себе, скуки нет. Вчера я гулял по полю, и мне казалось, что я гуляю по луне.

Космическое какое-то ощущение. Чистота идеальная в природе. В Москве никогда вы такого снега не увидите. И птицы все равно голос подадут. Ворон у нас, столетний, наверно, во дворе живет и все «ка-р-р» с верхушки, «ка-р-р». Синицы кругом, чижи огромными стаями выются... Тоже ни с чем не сравнимая пора. Словом, все времена года здесь хороши, все чеховские...

Прощаясь, я спросил у супругов Авдеевых, что принесли лично им десятилетия, прожитые в Мелихове. И они, переглянувшись, ответили одним словом: счастье.

Флигель, где была написана «Чайка» * Кабинет во флигеле * Церковь в Мелихове * Старый мелиховский колодец.

А. Чехов. 13 июня 1879 г. День окончания гимназии.

1

Действие большинства рассказов Чехова происходит в провинции. Возможно, поэтому постепенно сложилось впечатление, что город чеховского детства был заштатным российским провинциальным городом. Таганрог был не таким.

Это был южный морской город. Длинная Полицейская улица, на которой родился Чехов, одним концом упиралась в грязную площадь, другим выходила на высокий, обрывистый морской берег. Из второго этажа дома Моисеева, где родители Чехова жили в его первые гимназические годы, был виден рейд. В разгар летней навигации парходам и парусникам было тесно в гавани; можно было пройти по берегу версты четыре и не встретить ни одного русского судна. В 1864 году в Таганрогский порт прибыло кораблей английских — 164, бельгийских — 2, греческих — 245, итальянских — 166, ионических — 28, мекленбургских — 22, норвежских — 12, турецких — 25, французских — 55, прочих — 88, всего 807.

В Таганрогском порту имели представительство консулы или вице-консулы великобританский, итальянский, турецкий, греческий, австрийский, бельгийский, нидерландский, испанский и пармский, португальский, шведский и норвежский, французский.

Было время, когда таганрогский импорт превращал одесский. Ко времени Чехова самый пик эпохи расцвета уже миновал, но он застал еще высокую торговую волну.

Отец Чехова тоже торговал. Правда, к заграничным парходам он имел отношение косвенное, ибо оптом почти не покупал; торговец он был мелкий; в лавке помогали дети, больше других — Антон.

Что же такое была лавка, в которой должен был проводить многие часы будущий писатель в годы самого живого, глубокого восприятия впечатлений?

В лавку заходили жены местных чиновников, сами чиновники, учителя, приказчики, проезжие чумаки, полицейские, мелкие маклеры, монахи, драгили (ломовые извозчики), рыбаки, сапожники, конюхи, кухарки — вообще прислуга, которую хозяева посылали за всякой мелочью, вроде той озябшей девки, которая все время забегает в «торговое предприятие» чеховского героя («История одного торгового предприятия»).

Лавка в провинции — это всегда своеобразный клуб, куда приходят узнать новости, поговорить. Заведение Павла Егоровича играло эту роль тем более успешно, что выполняло еще и функции «кренского погребца», где всегда можно было выпить рюмку водки или стакан сантуринского. Антон видел длинную вереницу проходящих мимо него лиц всех сословий, общественных групп и профессий в

той обстановке, где они, не стесняясь, могли обсудить свои профессиональные и прочие дела. Они говорили.

Таганрог был разноязык. И сама русская речь в нем была пестра, многодиалектна: в ней причудливо сочетались черты южнорусского наречия, украинизмы, варваризмы, имеющие истоком самые неожиданные языки. Чехов не слышал той образцовой русской речи, которую с младенчества впитывали Тургенев, Толстой, Лесков, Бунин. От многих местных речевых влияний он потом должен был освобождаться. Но необработанная и красочная речевая лава была неистощимым кладезем выражений, речевых ситуаций, слов профессиональных языков.

2

Город имел еще один лик — степной, морской. Не морской торговый, но морской солнечный, песчаный. Он стоял на берегу теплого залива, а прямо за шлагбаумом начиналась степь. В гавани ловили рыбу на удочки. Павел Егорович к такому занятию относился терпимо — это была «маленькая польза». Антон смастерил поплавки-человечки: когда рыба клевала, человечек погружался и подымал руки вверх. Бычков ловили сотнями. Столько было не нужно, они портились, но остановиться было невозможно. «Плескание» и лежание на песке Павел Егорович не одобрял, но все же ходили и просто купаться, заплывали далеко, ныряли; бросившись в воду с разбега, Антон рассек себе о камень лоб. (Шрам на лбу слева потом внесут в качестве особой приметы в его паспорт.) Когда Чехов возвращался с Сахалина Индийским океаном, он придумал себе развлечение: нырять с носа пархода на полном ходу и хватался за конец, кинутый с кормы.

За городом было множество балок — Волосья, Большая и Малая Черепихи, Кагатов овраг. Весною они превращались в бурные речки. В степи стояли курганы; больших, впрочем, не было — самый высокий, по измерениям местных естествоиспытателей, составлял 25 футов. Но и с них обзор получался хороший: степь лежала ровная. «Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал в ней себя, как дома, и знал там каждую балочку», — писал Чехов в 1898 году.

Это была пригородная, домашняя степь. Настоящая степь начиналась дальше, верстах в сорока от Таганрога; ее Антон видел, когда уезжал с братьями на лето в деревню Княжью к деду, управляющему имением графини Платовой. До деревни было шестьдесят верст; на волах ехали с ночевкой; спали под звездами.

Два лета — после шестого и после седьмого класса — Чехов провел на хуторе у родителей ученика, которого он репетировал, — Пети

Кравцова. Это был уединенный, «печенежский» хутор — «аул полудиких народов». Стены дома были увешаны ружьями и пистолетами, все окна были заставлены жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мальчиков будили выстрелы — хозяин бил из винтовки в ворон, сорок, воробьев, которые могли бы нанести вред хозяйству. Стрельба шла непрерывная — даже если нужны были курица или гусь к обеду, в них стреляли. Охотились, конечно, не только на ворон и кур; вокруг было много болотной дичи, дроф, бекасов. Не научиться стрелять, живя здесь, было невозможно. Выучился Антон и ездить верхом — можно было брать любую из пасущихся вокруг хутора стреноженных лошадей и, распусав, скакать без седла куда угодно.

Природа для Чехова — часть его существования. Времена года — важные этапы жизни. Любая перемена погоды — явление, равноценное с литературными, общественными делами. О дожде, снеге он упоминает в письмах в одном ряду с ними. Прилет птиц — крупнейшее событие, он пишет о нем Суворину в марте 1891 года вместе с сообщением о работе над «Дуэлью». С вниманием и волнением вглядывается он в природу во время сибирского путешествия и с восторгом сообщает в письмах к нескольким корреспондентам, что целый месяц видел солнце от восхода до заката.

3

С шестнадцати до девятнадцати лет Чехов прожил в Таганроге один. Эти годы — ключевые для понимания его личности: в Москву он приехал уже другим человеком. Менее тем они самые глухие и темные в его биографии.

Главная потеря этого времени — утрата писем, которые он регулярно писал семье в Москву. Их было, очевидно, несколько десятков, а если Чехов-гимназист был эпистолярно не ленив так же, как Чехов-студент, то и больше сотни. Но сохранилось только два — родителям (20 июня 1878 г.) и брату Михаилу (апрель 1879 г.). Последнее письмо, где Чехов размышляет о человеческом достоинстве, высказывает свои литературные вкусы и оценки (после чтения Бичер-Стоу — «неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринок»), дает советы (читать Сервантеса, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева, «Фрегат «Паллад» Гончарова»), цитировалось тысячекратно, что понятно, ибо оно, по сути дела, — единственный достоверный источник сведений о круге чтения, литературных пристрастиях Чехова-юноши. Можно себе представить, сколько подобного материала было в десятках таких писем. Но они, как пишет брат М. П. Чехов, «погибли в недрах московских квартир».

Какие книги были в круге его внимания? Какие литературные впечатления были первыми? Какие журналы? Какие жанры больше привлекали юное внимание будущего создателя новых жанров? Все надо восстанавливать по сохранившимся данным, на многие вопросы отвечая лишь приблизительно.

Знакомство с мировой культурой мальчик Чехов начал с Библии, знакомство с современной умственной жизнью — с газет. Начал очень рано: Павел Егорович имел привычку читать

газету вслух или заставляя делать это кого-либо из детей (потом они еще должны были пересказывать прочитанное). Этой газетой был местный «Азовский вестник». Кроме правительственных сообщений и городских административных распоряжений, здесь помещались подробные разборы спектаклей таганрогского театра или гастролеров, был литературный отдел, широко перепечатывались корреспонденции из других газет — как вообще в провинциальной прессе. В разделе «Разные известия» можно было прочесть сообщения о путешествиях Д. Ливингстона и Н. Минлуха-Маклая.

В последние гимназические годы Чехов выпускал «Газету Гатцука» — популярное тогда периодическое издание, дававшее множество разнообразных сведений. Она тоже часто писала о путешествиях. Юность Чехова прошла под знаком очерков о дальних странах.

У многих из рассказанных в чеховских сочинениях редких сведений, анекдотических историй, фактов («Бальзан венчался в Бердичеве»), записанных второй жизнью именно благодаря появлению в его произведениях, явственно чувствуется газетное происхождение.

В стихах и прозе местных литераторов, печатавшихся в «Азовском вестнике», Чехов-гимназист мог найти полный набор шаблонов романтической фразеологии, часто вперемешку с «гражданскими мотивами» — «дни блаженства» и «упоенные неги», «безумные мечты» и «радость битвы», «отрадный свет идеала» и «удар судьбы». В рассказах попадались «золотые лучи заходящего солнца» — совсем как знаменитое начало романа Веры Иосифовны из «Ионыча». Систематическим чтением этой литературы объясняется такое знание Чеховым ее стилистики и словаря, которое хорошо видно из его пародий.

В юмористических журналах и местной печати Чехов прочел и первые «сценки» — жанр, занимающий значительное место в его раннем творчестве. Возможно, с этого жанра оно и началось — по воспоминаниям редактора гимназического журнала «Досуг» С. Н. Борисенко, Чехов поместил там что-то «из семинарской жизни»; другой соученик считал, что Чехову в журнале их гимназии принадлежала еще некая «Сцена с натуры», действие в которой происходило на Новом базаре, там, где была лавка Павла Егоровича. Сценки были и в рукописном журнале «Занка», который единолично выпускал 13-летний Чехов (журналы эти, увы, не сохранились).

Юмористические и иллюстрированные журналы, такие, как «Будильник» и «Стрелоза», влияли не только чисто литературно. Их воздействие было шире. Главной особенностью рисунка этих журналов было его сугубое внимание к бытовым реалиям, окруженности ими человека в любой изображенной ситуации. Все детали — даже самые мелкие — вырисовывались особенно тщательно, настолько, что иногда несколько лет спустя Чехову понадобились иллюстрации к шуточному рассказу для детей «Сапоги всмятку», он из первых же попавшихся под руку номеров «Сверчка», «Осколков», «Света и тени» 1882—1886 годов смог вырезать и тщательно вырисованную бутылку водки Полова, и сапоги, и несколько бытовых сцен, иллюстрирующих разные эпизоды семейной жизни. Сиюминутный иллюстрированный мир юмористического журнала был одним из ранних элементов комплекса художественных впечатлений юного Чехова.

4

Павел Егорович Чехов разорился, ему угрожала долговая яма (указ об отмене личного задержания неисправных должников выйдет спустя три года, в 1879 г.), он вынужден был (в апреле 1876 г.) бежать в Москву. Позже к нему выехали остальные члены семьи (Алек-

сандр и Николай уехали еще раньше — учиться).

Для Антона Чехова начались годы самостоятельной и — несмотря на постигшую бедность — свободной жизни. Бедность, впрочем, была относительной — продовольствие в тогдашнем Таганроге было дешево. Плохо было с одеждой, обувью, не хватало денег на книги. Но зато была свобода, не обуздываемая ежедневно и ежечасно властной рукою отца.

Это были годы лишений, твердости, мужества и — одиночества. Все решалось наедине с собою, сомнения и колебания не выплескивались ни перед кем. Это стало фундаментом характера. Никто никогда не узнал, почему был выбран медицинский факультет (если не считать главной причиной советы Евгении Яковлевны и Павла Егоровича, что «медицинский факультет практичный» и что это «самое лучшее занятие»). Когда через много лет Чехов об этом спросили прямо, он написал «не помню». Именно так ответил на слишком интимный вопрос герой его пьесы: «Маша. Вы любили мою мать? Чебутыкин. Очень. Маша. А она вас? Чебутыкин (после паузы). Этого я уже не помню».

Трудности не делали Антона мрачным — он острит в письмах к братьям, в попытку вкладывает дверную петлю и бублик, шутит в письмах к родителям, которых это иногда обижает. «...Мы от тебя получили 2 письма наполненные шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло». Энергия в нем кипела, его хватало и на учебу, и на театр, и на репетиторство, и на литературные занятия, на посещение библиотеки и городского сада. Городской сад был популярен даже зимой — там устраивали каток, Антон был среди любителей катания. Но летом сад в жизни молодого поколения занимал совершенно особое место.

Была «гимназическая» аллея, она же «аллея вздохов». Здесь завязывались все гимназические романы, здесь постоянно бывал Чехов — он состоял в свите красавицы Черец. Женская красота начала волновать его рано, о его романах мы знаем очень мало, но по некоторым косвенным данным можно полагать, что среди его первых увлечений была гречанка. Позже Чехов рассказывал, что романы его всегда были жизнерадостны...

Основы мировосприятия человека закладываются рано.

Детство в российском захолустье, волею судьбы постоянно ощущавшем воздух иной жизни, детство в сонной провинции, пронизываемой токами деловой энергии, детство между душевной лавкою и морем, коридорами гимназии и бесконечной степью, чиновно-казенным укладом и бытом вольных хуторян, жизнь, которая так явственно показывала значение того окружения, в которое погружен человек, — все это готовило и обещало необычное художественное восприятие мира.

Елена КУЗЬМЕНКО

Разбирая бумаги покойной Елены Федоровны Кузьменко, родной сестры моей матери, я обнаружила эти записки и вспомнила: она написала их в 1960 году, в день столетия со дня рождения А. П. Чехова.

И вот прошло четверть века... Но, думается, воспоминания старой женщины (Елена Федоровна скончалась в 1975 году в возрасте 86 лет) представляют и сейчас интерес для тех, кому дорого имя Антона Павловича Чехова и все то, что связано с его жизнью и окружением.

Двенадцать лет продолжалось шестство над домом, где родился Чехов, со стороны моей тетушки, как теперь принято говорить, «работа на общественных началах». Елена Федоровна была и маляром, и уборщицей, и чернорабочей, и садовником, и экскурсоводом, и страстным пропагандистом творчества своего любимого писателя. Она вела переписку с сотрудниками Дома-музея Чехова в Ялте и музея в Таганроге, а также до последних дней жизни писала в этот родной город друзьям и неизменно интересовалась состоянием чеховского дома, который по праву могла бы назвать своим детищем... Незадолго до смерти она снова побывала там. От себя могу добавить, что и мне памятен чеховский дворик, где прошло мое детство, где мы с Еленой Федоровной и моей матерью расчищали в саду дорожки, сажали цветы и кустарники, следили за порядком и встречали многочисленных приезжих, которых приветствовал басовитым лаем старый цепной Серно — огромная навазская овчарка с обрубленными ушами, приблудившаяся лет пятнадцать назад; помню, как я в возрасте пяти-шести лет с важностью рассказывала посетителям об экспонатах музея и о жизни Антона Павловича — все то, что заучила наизусть со слов взрослых...

Л. ЗАХАРОВА

ДОМИК В ТАГАНРОГЕ

В этот домик я попала совершенно случайно. Знала, конечно, что Антон Павлович Чехов родился в Таганроге, но вовсе не предполагала, что житейские обстоятельства забросят меня в эти места и мне на долгие годы выпадет счастье сохранять его дом и заботиться о нем.

Началось все с того, что в августе 1920 года, назначенная на работу преподавателем русского языка и литературы в одну из школ города Таганрога, я вынуждена была искать квартиру. Время было суровое: по улицам бродили толпы голодных людей, зачастую тифозных, умиравших тут же на тротуарах. Разбитые дома, сорванные с окон ставни, разгороженные дворы и поломанные заборы, которые жители растаскивали на топку, — все свидетельствовало о жестокой разрухе...

Зной стоял нестерпимый. Город изнемогал от голода и жажды: водопровода не было, жители собирали для питья дождевую воду. Кое-где во дворах были цистерны, но и то далеко не везде. По улицам разъезжали водовозы, продававшие воду ведрами по высоким ценам.

Дул жестокий сухой ветер, напрочь сжигая листья и травы... Исколесив ряд улиц, я очутилась возле массивного здания, стоявшего на углу бывшего Депальдовского переулка и Чеховской улицы. Это было техническое училище. На углу женщина торговала семечками. На мой вопрос, не знает ли она, где можно найти квартиру, торговка равнодушно ответила:

— А кто его знает... Заходи в любой дом и выбирай, что тебе нужно. Да вот, кажись, у Шептухи квартира сдается. Бабка очень сведущая в разных болях. Шибко помогает.

...Большой разгороженный двор поразил ме-

Улица в Таганроге, на которой родился Чехов.

ня своей запущенностью. Вместо забора и калитки — единственный уцелевший столбик, на котором на одном гвозде криво висела железка с номером 47. Во дворе стояло три дома: один справа, глядевший на улицу, ветхий, низкий, с покосившимся крылечком, с закрытыми ставнями. Другой был слева, третий — в глубине двора.

Я вошла в дом, стоящий слева. Высокий, кирпичный, он походил больше на амбар и делился коридором на две половины. Вероятно, здесь давно никто не жил: по стенам разползлась плесень, в углах свешивались клочья паутины, всюду были грязь и крепкий мышиный дух.

Я поспешила выйти. Другой дом, в глубине, был несколько приятнее на вид.

Вдруг, к своему удивлению, я обнаружила еще одно строение: крохотный глинобитный домик, облупившийся по углам, с железной ржавой крышей, с забитыми досками окнами и входной дверью, впрочем, кое-где эти доски уже были отодраны. Фасад домика закрывали буйные заросли дикого винограда. Раздвинув их, я с крыльца заглянула в окно, однако, кроме обильной паутины и пыли на стеклах, ничего не увидела, но сверху обнаружила кусок мраморной доски, скрытой в зарослях. На ней было написано:

В ЭТОМ ДОМЕ
17 ЯНВАРЯ 1860 ГОДА
РОДИЛСЯ АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Пораженная этим открытием, я замерла, не веря своим глазам. Здесь, в этом домике, родился Чехов, мой любимый писатель! Какое грустное зрелище предстало моим глазам! Я обошла домик кругом, рассматривая с душевной болью это запущенное, неприглядное здание, под крышей которого родился великий человек...

Домик нуждался в срочном и капитальном ремонте. Стены его, особенно по углам, обвалились. Наружные ставни, к удивлению, были целы, но почти без петель и едва держались, как говорится, на честном слове. Входная дверь была крестообразно забита двумя досками, которые легко оторвались под моими руками. Я вошла.

Комнаты низкие и маленькие; до потолка можно было достать рукой. Из прихожей налево — дверь в комнату побольше, из нее — в спальню, а из спальни — дверь в другую комнату. Здесь-то, в этой второй спальне, как я узнала позже, 17 (29) января 1860 года и родился Антон Павлович. В этой комнате, как, впрочем, и в других, стены отсырели, глина осыпалась, всюду висела паутина, краска на полу облезла.

Но однажды утром во дворе появилась группа рабочих, которые разобрали амбары и вывезли кирпичи и бревна — остатки деревянных сараев. Мы же всем семейством занялись ремонтом и уборкой самого помещения: достали желтой и белой глины, обмазали, побелили дом снаружи и внутри, вымыли полы и окна, и домик сразу же принял веселый вид.

Постепенно стали приходить таганрогские жители, приносили кое-какие вещи и документы, относящиеся к жизни Чехова в этом городе, метрическую выписку о рождении, гимназические табели с отметками, сочинения Антона Павловича, картину брата писателя — художника Николая Чехова...

По мере того, как налаживалась мирная жизнь, начали появляться и многочисленные почитатели таланта Чехова, приезжавшие из самых отдаленных городов и сел нашей страны.

Моя «общественная работа» — шефство над домиком — продолжалась с 1920 по 1932 год. Многие изменилось за это время. Чеховский домик, увитый диким виноградом, утонул в цветах. В 1926 году городской Совет уже смог выделить некоторую сумму, правда, весьма незначительную, для посадки вишневого сада вокруг домика автора «Вишневого сада». Все деревца принялись...

Прошло четверть века, прежде чем мне снова довелось побывать в Таганроге. Глубоко взволнованная, с бьющимся сердцем я подошла к домику...

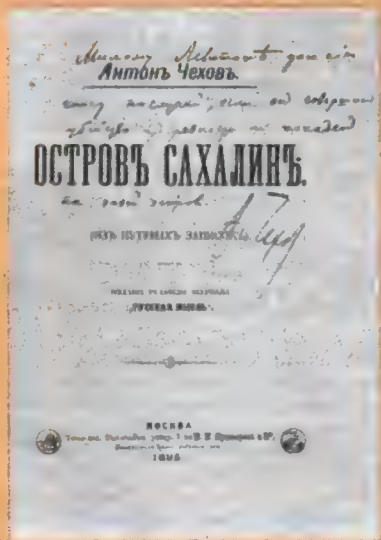
Великолепная чугунная ограда. Калитка. Асфальтированная дорожка, ведущая к заветному дому. Самого музея почти не видно за густой стеной дикого винограда. И живой памятник писателю — мощные вишневые деревья.

ДЕБЮТ КНИГИ

ЗРИМЫЙ ЧЕХОВ

В издательстве «Советская Россия» вышел адумчиво подготовленный и отлично изданный фотоальбом «Чехов. Документы. Фотографии» (авторы-составители И. Варенцова, Г. Шеболева, макет и оформление В. Андреева). Свообразная биография в фотографиях Антона Павловича Чехова выполнена с большой любовью и знанием обширного материала, хранящегося в чеховских музеях нашей страны. Конечно, было непросто вычленить из огромного количества документов, фотографий, автографов основные, дающие наиболее яркое представление о пути писателя. Многие замечали поразительное изменение лица Чехова — в молодости плотного, независимого, затем со смелым и умным взглядом и, наконец, тонкого, абсолютно одухотворенного, вылепленного мыслью. Эту духовную эволюцию смогли очень точно почувствовать и передать авторы фотокнижки о Чехове. Со страниц прекрасного издания предстает живой облик великого русского писателя, запечатленный объективом и кистью современников.

В. ЕНИШЕРЛОВ

А. П. Чехов. «Остров Сахалин». Титульный лист. 1895. С дарственной надписью И. И. Левитану.

А. П. Чехов в своем кабинете в Ялте. 1900.

А. П. Чехов в группе артистов МХТ. Весна 1899. Москва.

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой. 12 сентября 1901 года. Гаспра. Фотография С. А. Толстой.

А. П. Чехов и архитектор Л. Н. Шаповалов на строительстве ялтинского дома. 1899.

«Никого я так не любил...»

«Мы начали любить Чехова еще до появления его имени на свет. Помню, как в середине 80-х годов в одном провинциальном кружке шел литературный спор. Жаловались, что измывала литература. А я только что прочел в «Петербургской газете» новый крохотный рассказик Чехонте. Помню сладостное восхищение, то читательское блаженство, которое испытываешь так редко. Господа, — вскричал я, — подождите ставить крест над литературой, да вот вам великий писатель! Он только что родился, как молодой месяц в небе...»

Это слова из большой статьи, которую в 1904 году посвятил памяти Чехова литературный критик и публицист М. О. Меньшиков.

В 1892-м Чехову лишь тридцать два года, но уже вышли в свет множество замечательных рассказов, знаменитая «Степь», несколько пьес, позади самоотверженное путешествие на Сахалин. В этом году Чехов познакомился с Михаилом Меньшиковым, молодым сотрудником политической газеты «Неделя» и постоянным автором еженедельных литературных приложений «Книжки Недели», издаваемых П. А. Гайдебуровым. Начались встречи, переписка. В сохранившихся, не опубликованных ранее записных книжках и дневниках Меньшикова выражен восторг от этого знакомства. Вот выдержки из записи от 18 января 1893 года об одной из первых встреч:

«Чехов производит на меня поразительное впечатление. Я буквально, серьезно чувствую себя влюбленным в него в его присутствии. Он мне непобедимо нравится. Тут не обаяние большого имени: я видел же кое-кого не меньше Чехова: Полонского, Лескова (в смысле имени), Надсона, которые по мне относились с такою лаской. Но Чехов весь с первой встречи истинно взял меня. Он красив, но видел же я мужичи и красивее, но он... родной, милый, гениальный, русский. Когда я прощался с ним в Литературном обществе, он с особую задушевностью пожелал мне всего хорошего. — Жале, так и не удалось поговорить, — сказал он, — мне чрезвычайно хотелось с вами поговорить, — скорговорной прибавил он».

Сохранились записи о поездках в Мелихово. 15 августа 1896 года на именины Марии Павловны к Чеховым приехали гости. Павел Егорович, отец писателя, отмечает в своем известном, трогательном дневнике: «В Мелихове в этот день были М. О. Меньшиков, Л. С. Мизинова, В. А. Эберле, Коновицеры», а в записной книжке Меньшикова говорится, что были также:

«...толстый батюшка с крупным носом, барышня Дроздова-художница, родственница Пашутна... Сестра Чехова в ситцевом платице. Чай на балконе в 3 часа с вареньем, сливками и пр. Некоторое запустение в усадьбе с прошлого года, полиняли краски, не так наряден цветник, запущен пруд. Две собаки: Бром и Хина, таксы, их дети: Йод и Иудушка. Степка-балбес — совсем ручная цепная собака. В прошлом году — гостиница братьев Скворцовых — скворечник. 7 часов — ужин, закуски, водка, красное вино, квас. Чехов очень любит кофе, не любит чаю. Кабинет переведен в угловую, поменялись с Машей. Меньше блеска новизны. На роле навелен Бронгауз, на столе старые журналы. Выход с трех входов. Мечтают построить новый дом, где большой пруд, а этот дом под школу. Будь деньги — завел бы приемный покой для больных. Очень понравились ему Толстой и барышни, особенно Маша».

И Чехова любили в Ясной Поляне, куда Меньшиков отправился после посещения Мелихова. Через несколько дней он пишет оттуда Чехову:

«Дорогой Антон Павлович!

Пишу Вам, по обещанию, прямо из львиной берлоги... Стоило мне сказать, что я от Чехова, как все львицы, старая и молодые, выразили величайшее внимание: — Отчего он к нам не придет? Я... заметил, что он, Чехов, страшно хотел бы приехать, да боится стеснить, у вас-де столько гостей... Львицы подняли вопль. Софья Андреевна, со свойственной ей тонкостью, заявила, что такое уж им несчастье, что целые толпы разной сволочи осаждают их дом, а люди милые и им дорогие стесняются приехать. Но скажите ему, что мы всем сердцем рады и прием его *a bras ouverts*». Дальше комплименты Вашему уму, таланту и пр. Я передал Ваше намерение принимать с Машей больных, Маша этому очень рада, и, вообще, что они — барышни, очень Вам понравились. Вся семья, как я пригляделся, чудные люди, совсем простые, и я чувствую себя лучше, чем дома. Вчера, едучи с Татьяной Львовной, опять говорили о Вас. Татьяна очень Вас любит, но чувствует какую-то грусть за Вас... — Рассказом «Убийство», который мне так понравился, Татьяна возмущена. Сегодня опять в разговоре о Вас С. А. заявила, что только Вас и считает из молодежи за писателя. Короленько, по мнению всей семьи, фальшив. Лев отзывался о Вас так, что Вы большой и симпатичный талант, но связанный скептическим мирозерцанием, и он боится даже надеяться, что Вы высвободитесь из этих пут (как — прибавил он — можно было ждать от Лермонтова, например). Чувствуется, что Лев очень любит Вас и следит за Вами, но не без родительской тревоги... Я расхваливал Вас, со своей стороны, в той мере, в какой непритворно люблю Вас и уважаю, т. е. в степени близкой к превосходной. Расспрашивали о Вашей семье и я особенно настаивал на необходимости молодым графиням подружиться с Марией Павловной, на разрисовку которой тоже не пожалел суздальских красок».

Известно, что Толстой особенно выделял из произведений Чехова рассказ «Душечка», который включил в сборник «Круг чтения». Вечерами он читал рассказ вслух. Это волновало и чтца и слушателей. Татьяна Львовна Толстая признавалась в письме 30 марта 1899 года: «В Душечке я так узнаю себя, что даже стыдно».

Интересна еще одна цитата из вышеупомянутой статьи 1904 года о Чехове: «Из молодых беллетристов Чехов был, кажется, всего ближе к Горькому. Я не подметил и тени зависти у Чехова к невероятно шумному успеху Горького. Однажды в Москве в маленькой квартирке у Сандуновских бань, шла речь о Горьком. «Вы не знаете, что это

* с распростертыми объятиями (фр.).

А. П. Чехов. Редкий снимок. С автографом публикуется впервые. Частное собрание.

за чудный человек, — говорил Чехов, — славный, задушевный, искренний...» Раздался звонок, в дверях появился сам Горький. Я помню, как было необычайно для меня видеть искренние, действительно дружеские отношения двух знаменитостей».

Как указано в 30-томном собрании сочинений А. П. Чехова, известны 48 писем Чехова к Меньшикову.

Шестдесят писем и 3 телеграммы Меньшикова к Чехову (1892—1904 годы) адресат аккуратно сохранил, и они дошли до наших дней.

Три из них опубликованы в Записках ГБЛ.

Взаимоотношения Чехова и Меньшикова постепенно становятся человечески теплыми, близкими, — в письмах Чехова мелькают дружелюбные, приветливые шутки, забота о близких Меньшикову людях, писатель пишет о своих впечатлениях от поездки в Ясную Поляну 8—9 августа 1895 года; Меньшиков советуется с Чеховым по многим вопросам, пытается даже выступить в роли свата и сблизить с Чеховым Татьяну Львовну Толстую, и без того увлеченную знаменитым уже тогда писателем.

Когда летом 1900 года Меньшиков навещал Чехова в Ялте, Антон Павлович подарил ему портрет, который также публикуется впервые. Надпись на портрете: «Дорогому Михаилу Осиповичу Меньшикову в Ялте, 2 августа 1900 г. на добрую память, Антон Чехов».

Однако известны и несогласия и серьезные нарекания по поводу отдельных, более поздних статей Меньшикова со стороны Чехова, Толстого и некоторых других писателей.

В июле 1914 года в десятую годовщину смерти Чехова Меньшиков опубликовал статью «Тайны здоровья», в которой с горечью

вспоминает о безвременной кончине своего великого современника. Представляют интерес следующие отрывки из этой статьи:

«Мне кажется, как многие одаренные люди, Чехов не замечал своих совершенств или не придавал им большой цены. Может быть, это черта гениальных людей — преуменьшать себя. Поглядите, до чего надменны бывают иногда писатели средней руки и даже совсем маленькие... Чехова же я помню скромным, застенчивым, сдержанным... Он пленял своею простотою и порядочностью, прирожденным изяществом души, умом смешливым и незлобивым. Я не знаю, что заимствовал Чехов от своего отца, крестьянина с сильным характером и глубокой религиозностью, но несколько черствого. Мне кажется, Чехов обобрал и в теле и в душе свою очаровательную, как я ее помню, старушку мать. Она перелила в него свою мягкость, женственность, необходимую для гения наивность, свою чувствительность и, может быть, тот сорт здравого смысла, который преображается в художественный талант... Чехов смертельно боялся сентиментальности и всякой аффектации, но под остро наблюдательным умом, схватывающим, как истреб цыпленка, все курьезное, у Чехова чувствовалась нежная душа. Он в своих писаниях редко давал простор этой нежности, но, может быть, эти прорывы чувства — самые благородные в его творчестве. Нет сомнения, что Чехов был неодинаков с людьми. В компании пустых людей он, конечно, был неинтересен. Одушевление его нило. Он был молчалив и скупен. В компании талантливых, но безалаберных людей он был совсем другой, живой и немножко нараспашку. С Львом Толстым он был застенчив, как бы пугаясь этой титанической силы...»

Спустя еще четыре года, незадолго до своей смерти, в 1918 году, полностью отойдя от литературной и общественной деятельности, Меньшиков записывает в своем дневнике: «Никого я так не любил в жизни, как Толстого и Чехова».

Юрий РОМАНОВ
Фото автора

Река грохотала. Серые ее струи заплетались, образуя воронки. Порой из потока выбрасывался пенный фонтан и тут же сметался взбесившимся напором. По дну реки, словно бесчисленные жернова, катились камни. Стук от их столкновений сотрясал берега. От проносившейся мимо ледяной массы долетал холодный ветер.

Галдбай Пазылов, начальник районного управления оросительных систем, человек спокойный и неторопливый, терял присутствие духа с наступлением июля, когда тают снега в горах.

«Нужно прекратить это расточительство», — думал он. — Десять миллионов кубов сбрасывает только Апшир-Сай... А Киргиз-Ата — это еще двадцать миллионов кубометров. Если собрать всю воду — все наши поля напоить можно...»

Сапарбаеву эти цифры, сведенные в таблицу, известны. Первый секретарь райкома партии знал, сколько воды приносит любой ручеек в Наукатском районе, но ему нравилась горячность ирригатора, не угасавшая с годами.

Абдукадыр Сапарбаев прошел вдоль дороги, с удовольствием вдыхая прохладный, пропитанный влагой воздух, потом обернулся к машине, в которой приехал председатель районного агропромышленного объединения Икрам Джоробаев, подождал его:

— Ну как, скажем Пазылову сразу?

— Конечно. Заждался ведь доброй вести, — сказал Джоробаев.

полей с громадной скоростью, оставляя после себя занесенные камнями русла. Нужны были водохранилища, которые могли бы принять в себя бешеные потоки в разгаре лета, чтобы впоследствии отдавать полям по мере необходимости накопленную влагу. Нужны были каналы в горах.

Первый секретарь райкома партии Сапарбаев, ознакомившись с чертежами и выкладками Пазылова, одобрил его замыслы. Вторым единомышленником Пазылова стал его старший сын Насиридин, ставший по примеру отца гидромелиоратором. «Капля камень точит» — эта поговорка, любимая в семье Пазыловых. Только теперь отец добавляет: «А капля за каплей горы растворяет».

...Наша машина ползет в гору по трескучим зеркальцам замерзших луж. Зимнее солнце робко проглядывает сквозь облачную дымку. Мы поднимаемся к истокам реки Апшир, которая сопровождает нас во время всего трудного пути, струясь по саю прозрачным говорливым ручейком.

Саям в Киргизии называют долину, по которой идет вода. Синоним — пойма реки, заливные луга. Здесь, в горах, пойма — это ущелье шириной в несколько десятков метров. В период весеннего паводка сравнительно тихие воды равнинных рек оставляют в пойме плодородный ил и землю, принесенные с верховьев. Заливные луга, порастая травами, дают практически неисчерпаемый запас кормов для животноводства. В горах перепад высот разгоняет паводковую воду до скорости курьерского поезда, и она мчится по ущелью, перебрасывая, словно мячики, многотонные валуны. Паводковые воды горных рек сдирают плодородную землю слоями

рев моторов. Поле начинается от бетонных берегов канала и полого спускается к синему горизонту. В стороне за туманом виднеются дома центральной усадьбы колхоза «Бель-Урюк», а в середине огромного пустого пространства возвышается большой курган. В нем собрана плодородная земля. После, когда кончится планировка поля, бульдозеры распределят эту землю по поверхности равномерным слоем.

Рядом с каналом стоят вагончики, от которых ветер доносит аппетитные запахи. Прямо под открытым небом топится печка с большим казаном, и повар Джуматай Шарапов, пробуя шурпу, блаженно щурится. Увидев нас, он кричит:

— Сегодня удачный день — гостей много. Проходите в вагончик, сейчас чаевничать будем...

— Ассалам алейкум, Абдрахман! — здоровается Пазылов с председателем колхоза «Бель-Урюк» Минбаевым.

— Алейкум ассалам! Каким ветром принесло вас на наши земли? Минбаев, молодой, энергичный человек с веселыми глазами, все делает с удовольствием: здоровается, знакомится, ест и увлеченно говорит о делах:

— Чему ты все время радуешься? — спрашивает председателя Пазылова.

— Как не радоваться... Было у нас в колхозе пятьсот шестьдесят шесть гектаров пахотной земли, из них четыреста пятьдесят — поливной. Воды с трудом набирали на три полива. Теперь будет семьсот девяносто, а еще через год — тысяча сто пятьдесят гектаров. Канал закончен, ныне можно поливать не по три, а по пять-шесть раз. А это значит, что урожай кукурузы удвоится, табака вместо

Рядом с ним Касым Мукумбаев, — тоже наш передовик, выполнил годовой план на месяц раньше срока. А дальше...

— Слушая тебя, можно подумать, что все ваши люди — передовики производства, — сказал Абдрахманову председатель колхоза.

Абдрахманов принял шутку: — А мы других не держим. Вернее, они сами у нас не держатся. У Хакима Исакова, начальника мелиоративного отряда, можно работать только или очень хорошо или вообще не работать... Да вот и он сам...

Прижав в знак приветствия к груди правую руку, в вагончик входит Хаким Исаков. Все в нем объемно. И натруженные ладони, в которые он, здороваясь, нежно берет руку собеседника, и рост, и лицо крупной лепки.

Глядя на подвижного Исакова, трудно поверить, что его трудовой стаж составляет 42 года. Во время Великой Отечественной войны сел он мальчишкой за руль неприхотливого «универсала». Работал трактористом, потом бригадиром тракторной бригады колхоза имени Чапаева, а в 1976 году возглавил отряд механизаторов. Техники сколько! 26 бульдозеров, один автогрейдер и один скрепер работают на планировке полей в две смены...

— По машинам, — взглянув на часы, негромко сказал Исаков. Бульдозеристы, принимавшие участие в нашей беседе, дружно поднялись. Вскоре над полем снова запели моторы.

Годовой план звена мелиораторов — один миллион двести семьдесят тысяч кубометров грунта — выполнен еще к первому декабря 1984 года, и не зря ездят сюда все руководители и специ-

КАПЛЯ, ПРОТОЧ

— Говорите, не мучайте, — потребовал Пазылов.

— Все твои планы в области утвердили. Финансирование открыто... — торжественно сказал Джоробаев. — Начиная стройку...

Услышав это, Пазылов хотел что-то сказать, но отвернулся и стал пристально смотреть на реку. Секретарь с председателем переглянулись, потом Сапарбаев махнул рукой:

— Поехали. Пускай Пазылов побудет один. Ему найдется о чем подумать...

Одна из двух машин развернулась на узкой дороге. Пазылов остался наедине с гремющей рекой. Он слышал шум отъезжавшей машины, но не обернулся.

Еще студентом он начал работу по проектированию каналов, которым предстояло напоить бесплодные богарные земли. Воды в районе было много, но она в пору таяния снегов пронеслась мимо

со склонов гор и уносит на большие расстояния.

Слева от дороги поднимается куда-то к облакам и теряется в дымке крутой склон, заросший редкими колючими кустами миндаля и фисташки. Справа заваленная белым галечником долина — сай. Один поворот, другой, крутой подъем по скользкой дороге — и перед нами теснина мрачного ущелья. Из отвесной стены толстым сверкающим жгутом вырывается вода. Серебряный этот жгут на первом же уступе разбивается на мелкие монетки-капли, которые сплошным потоком, окутанным холодным водяным туманом, низвергаются на дно ущелья. «Золотой источник» — так еще называют местные жители водопад Апшир-Сай. Сравнение с монетами — с благородными металлами появилось не случайно. Вода здесь ценится поистине на вес золота... Над огромным полем висит

20 по 40 центнеров с гектара получать будем...

— Так работы же прибавится... — Ничего, работы мы не боимся. Чем больше работы, тем интереснее жить...

Над полем тишина. Слышно, как далеко на трассе Ош-Баткен — Ляйляк преодолевает подъем тяжелая машина. К вагончику подходят на обед механизаторы, берут тарелки с шурпой и устраиваются вокруг стола.

— Вот Косо оглы Расул, — тихонок представляет бульдозериста начальника районного производственного объединения «Киргизсельхозхимия» Хайрулла Абдрахманов. — Он в нашем районе стал инициатором соревнования механизаторов за увеличение межремонтного периода. За счет увеличения ресурса машины, умелого выбора оптимального пути переноса грунта Расул выполняет по полторы нормы ежедневно...

алисты окрестных хозяйств. «Звено плодородия» в буквальном смысле переворачивает горы.

...У объемной карты в холле райкома партии трудится художник. Возле него на стуле — кусочки зеленой и голубой бумаги. Сапарбаев останавливается и придирчиво наблюдает за работой. Художник острым ножом аккуратно срезает несколько гор, а на их место наклеивает зеленую бумагу, обозначающую пашню. Голубая бумажная лента зазвенела по горам, показав новые водные артерии.

— Вы слышали про марсианские каналы? — неожиданно спрашивает меня секретарь.

— Слышал. Только ведь это не каналы, а жизни на Марсе нет... — А наши каналы с Марса можно разглядеть? — лукаво щурится Сапарбаев.

Ошская область,
Киргизская ССР.

«Золотым источником» называют водопад Апшир-Сай.

Председатель колхоза «Бель-Урюк» Абдрахман Минбаев доволен: вода пришла на поля Наукатского района.

Длина этого лоткового канала 17 435 метров.

ИВШАЯ КАМЕНЬ

Работает «звено плодородия».

Владимир СЕМАКИН

Коснётся самой сути

Не поднимутся дивизии
с отвоеванных полей —
полегли, а не унизили
блеска доблести своей.

Что стряслось — не переделаешь,
хоть себя, хоть небо крой:
поколенья поределого
не сомкнется полный строй.

Доказало поколение,
перейдя поля войны:
мы, до белого каления
доведенные,
грозны.

Враг — открытый ли, нуда ли —
знает — как ему не знать! —
нам ни мужества, ни удали,
если что, не занимать.

Шли бойцы, скупясь на жалобы,
что смогли — перемогли.
Им бы землю не мешало бы
увидать из-под земли,

увидать бы в цельной целости
свой, куда ни повернись,
русский край,
где нашей смелости
не поставлено границ!

И ожить во внуках-правнуках,
в смене смен очередной,
на завидных ихних праздниках
вспыхнуть искоркой живой.

Весь израненный, человек
все осилил и жив покуда.
Он родился в нелегкий век —
поизведал и зла, и худа.

Был он боек, потом — удал,
накопил три-четыре стога.
Даже радости повидал,
повидал, да не шибко много.

В крутоверти военных дней,
среди ночей на снегу подталом
все-то он вспоминал о ней,
словно было ее навалом,

той — недолгой, святым-святой,
посетившей его когда-то,
чтоб война не такой крутой
показалась душе солдата.

Чтоб, от крови красным-красна,
под Москвой, а потом — над
Волгой
показалась ему война
не такой нестерпимо долгой...

Наверно, большое несчастье
деревья содвинуло в чаще,

и корни их раз навсегда
узлами связала беда.

Где ты, где ты, горькая
счастливица?
Что с тобою — радость иль беда?
Канула — и встречи не
предвидится,
минули рассветные года.

Ты свои слова бесповоротные,
знаю, мне сказала не со зла.
Ласточка-касаточка залетная,
где же ты гнездо свое свила?

Пусть живу я жизнью суетливую,
длится, не проходит колдовство.
Станешь ли, не станешь ли
счастливую,
я и не узнаю ничего.

Скажут — и легко поверю
на слово,
будто бы ты счастлива вполне.
Ну а если в самом деле счастлива,
то не так уж горько будет мне.

Теплится во мне и не остудится
робкая надежда на авось.
Думала ты: все-то позабудется,
если мы окажемся поврозь.

Думала, что, сглаженное
временем,
станет уж не остро остриё.
Думала — приглушится сиренями
имя медуничное твое...

Косари свое дело сделали —
и повадились меж копён
приходить сюда парень

с девушкой,
только солнце — за небосклон.
Всё — надежное, безобманное,
даже поздняя темнота,
где нечаянно горько-пряная
люб-травинка коснется рта.
И неважно, что сено сметано,
если мнится травинке той,
что в девичьих губах цветет она
вновь купальницей золотой.

НЕНАСТЬЕ

Пыльца — как толоконец
в калужине любой.
Все ждут, когда же солнце
дождям пробьет отбой.
Стрекозы-веретёнца —
глаза мутней свинца —
безмолвно просят солнца,
а тучам нет конца.
И жаль травы-суконца,
гниющей на корню.
Хотя бы лучик солнца
нахмуренному дню!
Пичуги еле живы,

забились кто куда.
Вытягивает жилы
занудная вода.
А поезд из-за леса
трубит: «Айда со мной!
Там солнца хоть залейся —
не край, а рай земной!
Там километры пляжей
заполнены литой —
и взрослой, и салажьев —
сплошной наготой.
Там синева на сини,
наяды на волнах,
а вы тут все в резине,
в болонье, в кожаных...»
Прикинешь поневоле
не раз, не два на дню:
схитрить — уехать, что ли,
прощайте, мол, адью!
Уеду — и не охну,
сбегу — и ни гугу...
Но нет, уж пусть размокну,
а душу сберегу.
Равнин, таких унылых,
дождем залитых сплошь,
навек родных и милых,
с собой не увезешь...

ОСЕНЬ

Ты дождями пляшешь
на панели —
в небе, перевернутом хитро.
Свежая, врывается в туннели
шумом вентиляторов метро.

Недовольна сумрачною тенью
и бессильем никнущей травы,
ты дубравы в ярком оперенье
широко разводишь от Москвы.

Широко распахиваешь дали,
словно набираешь высоту.
Рельсы вдруг отчетливыми стали,
как прожилки листьев на свету.

Ты и там, далёко-далёко,
кажется, приветий нас,
как дома, —
потому взлетается легко
с аэро- и даже с космодрома.

Писать стихи?.. Я летом
не помышлял об этом,
заслушивался птах
в ракитовых кустах.
К реке меня тянуло,
где радуга тонула,
в уремы и леса —
на птичьи голоса.
Мне, северосторонцу,
нарадоваться б солнцу
да испытать бы всласть
свою рыбачью снальсть.
Мне летом не писалось,
а поплавку плясалось,
когда насадку язык
хватал, остервенясь.
Стихи, стихи... Их даже
слагают и на пляже,

и в частном гараже,
и в космосе уже.
Да, хочется до жутки
коснуться самой сути
в друзьях, в себе самом,
во времени своем.
Лицом бы мне к сувою —
да в омут головою,
как будто не писать,
а чью-то жизнь спасать.
И, сам себе несносен,
я рассчитал на осень,
точнее — на авось,
тогда и началось.
И, может, мне на счастье
осеннее ненастье
в оконное стекло
косым дождем секло...

ГНЕЗДОВЬЯ СТРИЖЕЙ

Позалитые солнцем высоты.
Крутояры. Гнездовья стрижей.
Берега все в ячейках, как соты,
в двадцать,
в тридцать,
во сто этажей.

Как метелица черного снега,
вьются птицы,
и каждая — фью! —
так и прыщит откуда-то с неба
без промашки в свою ячейку.

Мне тревожно за птиц поневоле:
вдруг да раз не придется на раз.
(При посадке на летное поле
ошибался и опытный ас.)

Отлетайся, отважная пташка,
все равно не уймется стрижи,
не собьет роковая промашка
их немыслимые виражи.

И под свист заунывной свистульки
сиротливо-пустого гнезда
лишь быстрее заснут
крохотульки,
словно их подхлестнула беда.

Я про давнее чувство пишу.
До сих пор оно,
первое,
свято.
А не сходим ли мы к шалашу,
где всю ночь просидели когда-то?

Не настолько Земля велика,
и, хотя в городах многолюдно,
мне — землячку, тебе — земляка
повстречать на планете нетрудно.

Нам покажется пепел живым,
только стоит ему шевельнуться,
но прошло столько лет, столько
зим...
Нам уже ни к чему не вернуться,
перебитому то ли войной,
то ли встречей с другим
человеком.

Между этой и давней весной,
отдаленной почти полувеком,
изменилось течение реки,
и в чащобах, редееющих явном,
слышу, звонки не все родники,
а уж наша-то песня подавно.

Ни твоей, ни моей головы
не коснется и кроха укора.
На земле не бывает, увы,
ничему никакого повтора.
Где мы были в своем шалаше,
там, поди, уж не лес, а бульвары
и навстречу —
другие уже,
еще пылче влюбленные пары.

Посчастливит ли, нет ли другим?
Ну а мы не осудим былого
и оставим навек дорогим
все, что было у нас дорогого.

Н. Дубовской. ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА. 1910—1911.

Областной музей истории донского казачества, Новочеркасск.

Н. Дубовской. ОБЛАЧКО. 1890.

УРАГАН В СТЕПИ. 1890.

Областной музей истории донского казачества, Новочеркасск.

С главным режиссером музыкального академического театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, народным артистом СССР, профессором **Иоахимом Георгиевичем ШАРОЕВЫМ** беседует корреспондент «Огонька» **Е. ПУХОВА**

— Началось все с музыки... Родился я в Баку. Сколько себя помню: хотел играть на скрипке! Для музыкальной школы в ту пору я был еще маловат, но в пять лет, к большому ликование родителей, сыграл на своей скрипочке со сцены клуба. Сыграл уже для публики! А затем была Москва, Собиновский переулок, Центральная музыкальная школа, репетиции и концерты... А потом вдруг случилось так, что до консерватории — обычный путь выпускников! — я не дошел. Задержался, можно сказать, по соседству — в Государственном институте театрального искусства, где жизнь студентов казалась нескончаемым праздником: дипломные спектакли, на которые удавалось проникать, буквально снились ночами. И я решил поступать в ГИТИС!

Тут могут подумать, что мне хотелось поменять трудный хлеб музыканта на праздничное будто житье актера... Но это не так! Многолетние занятия музыкой научили тому, что всегда в искусстве за кажущейся легкостью стоит все тот же ежедневный и даже ежечасный труд, неизбежный и необходимый, впрочем, в любой профессии.

В институте театрального искусства как раз открылся новый факультет, где готовили режиссеров музыкальных театров. Соединить музыку и театр было моей заветной мечтой, но... Нужно ли говорить, что конкурс был огромен! Очередной экзамен я сдавал, видимо, не очень удачно: лица экзаменаторов выражали беспобудную скуку. Наконец, кто-то из них спросил: «Юноша, а не слишком ли вы молоды для режиссера?..» Я незамедлительно ответил, что именно сегодня, в день экзамена, мне исполнилось восемнадцать лет! Домой шел в полнейшей уверенности, что провалился. Однако случилось чудо: я был принят! Меня, признаться, это и потом еще долго удивляло, хотя я уже знал, что моим добрым чародеем был набравший курс Л. В. Баратов. Сказал он тогда обо мне примерно следующее: «Знаете, в нем что-то есть: ну, хотя бы чувство юмора; ведь так вдохновенно соврать о возрасте — тоже своего рода талант...» Только через три года я сказал Леониду Васильевичу, что день того памятного экзамена, 19 августа, был действительно днем моего рождения. Баратов, насупившись, ответил: «Твое счастье, что я этого не знал! Считаю твоим подарком!»

Спустя годы, уже начав работать самостоятельно, я всегда находил у Л. В. Баратова совет и помощь. У него был замечательно верный режиссерский глаз...

— Что же стало главным в вашей режиссерской работе сегодня?

— Я, например, считаю главным, что режиссер музыкального театра не имеет права замыкаться в каком-либо определенном жанре, — скажем, всю жизнь ставить только оперные спектакли. Музыкальный театр нашей современности в своих проявлениях стал значительно сложнее, богаче и разнообразнее. Часто в опере переплетаются черты массового действия, драматического спектакля и даже кинозрелища. Чтобы вылепить такой сложный, многоплановый спектакль, необходимо уметь хорошо ориентироваться в разных сценических жанрах. Я всю жизнь стремился именно к этому: ставил в опере и оперетте, на сцене драматических театров и в кино, работал над радиопостановками и эстрадными представлениями. В моем «багаже» есть даже цирковой спектакль: «Москва встречает друзей», поставленный по сценарию С. В. Михалкова в 1972 году в цирке на Ленинских горах...

менно приносит в театр свое: стиль работы, задумки, фантазии... Это всегда сложное время для режиссера; я бы назвал его временем взаимовыживаемости... И вот — опера Римского-Корсакова «Майская ночь»... Все было непросто! Но какое счастье испытываешь, когда из первоначального хаоса начинает формироваться спектакль, появляется единое дыхание, ритм работы, то, что называют творческим контактом. Взаимопонимание пришло практически сразу: удачными, а значит, радостными были репетиции... А потом, когда уже спектакль «выводишь на зрителя», он, увы, постепенно и как-то незаметно уходит от тебя... Если актер творит в спектакле каждый вечер, то «звездные часы» режиссера, думаю, это именно согласие репетиций.

Я благодарен своим соратникам, друзьям за то, как живо откликаются они на весьма рискованные порой режиссерские предложения, как увлеченно ищут, спорят...

понятными, близкими, интересными для сегодняшнего зрителя. А образы героев — волнующими современника! Именно к этому мы стремились в постановке оперы Д. Верди «Битва при Леньяно», действие которой происходит в XII веке. Эпоха с ее колоритом очень важна для спектакля, но было бы ошибкой ставить именно ее во главу угла. На репетициях мы долго искали решение, думали, спорили. А решение пришло как бы само собой: надо углубить, заострить внимание на связи жизни и общественного долга. И снова общественного долга и личных интересов героев. Показать самую жизнь народа, а не только ее «фон»... Вроде бы спектакль сразу ожил и получился.

А сложностей много! К примеру, такая проблема, как дикция певца: она — практически — всегда оставляет желать лучшего. Донести до слушателя музыкальное слово действительно сложно. Но это очень важно и нужно! И вылечить эту «болезнь» может только совместная работа певца и ре-

И музыка, и театр

На репетиции «Золотого теленка».

Фото И. Тункеля

Многотемность, разнообразие возникающих задач не дают замыкаться в рамках одного лишь жанра, заставляют искать новые, острые решения. Так было, например, с оперой Газизы Жубановой «Москва за нами», посвященной подвигу героев-панфиловцев. Работа была трудная, но интересная. Пожалуй, можно сказать, что тогда родился новый жанр: публицистическая оратория.

— А все другие ваши спектакли на сцене театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, — как рождались они?

— Да ведь моя работа началась совсем недавно — весной 1982 года. Я тогда серьезно волновался. Можно ли безболезненно войти в жизнь сложившегося коллектива с его давними традициями? Я против «метлы», которая «по-новому метет!» Но ведь каждый новый режиссер непре-

— Ну, а зритель, слушатель? Какими вы хотели бы видеть их?

— Хотелось бы, чтобы зритель помолодел!.. К сожалению, молодежь — редкий гость музыкальных театров. И это серьезная, острая проблема. Конечно, она отчасти объясняется и занятостью людей, и напряженным ритмом нынешней жизни. Но только ли этим?.. Было бы горько думать о будущем музыкального театра как о театре лишь для профессионалов и, увы, немногочисленных любителей музыки.

В нашей стране делается многое для воспитания любви к музыке. Но задача эта еще не решена. И тут роль музыкального театра особенно велика. Ведь не секрет, что иногда в постановке спектаклей классического репертуара преобладает старый, стертый канон. Тогда как и события минувших времен надо делать

жиссера, когда буквально каждая фраза становится, наконец, четко осмысленной по действию. Это — работа. Ежедневная и кропотливая. Черновая. Ее можно назвать «кухней» спектакля. Но без нее не обойтись.

— Иоахим Георгиевич, мы получаем много писем с просьбой рассказать о современной музыке. Почему так непонятно бывает слушателю вжиться в образный мир композитора?

— Язык композиторов XX века вообще стал достаточно сложным. И это естественный процесс. Изменился человек. Изменился, стал более сложен его духовный мир, круг его проблем...

Думаю, что современный композитор просто не может да и не должен писать музыку, лишь подражая языку своих гениальных предшественников. Самое время обязывает искать новые краски,

новые средства! Иначе музыка застынет в своем развитии. Но любое сочинение будет понятно, будет любимо слушателями, если несет в себе главное — мощный эмоциональный заряд. По-моему, это в первую очередь относится именно к музыкальному театру, — искусству демократическому, обращенному к широкому зрителю.

Я постоянно слушаю новые сочинения композиторов. И есть среди новинок настоящие творческие удачи. Но нередко сочинения настораживают, когда на первый план в опере вдруг странно выходит сюжетная линия, а сама музыка лишь «иллюстрирует» происходящее. Неверно отрицать роль сценического действия — это один из краеугольных камней спектакля, можно даже сказать, его основа, стержень. И понятно, что самая талантливая музыка не спасет оперу с рыхлым, плохо выстроенным либретто. Но когда зритель уносит в памяти лишь калейдоскоп событий, тогда это уже не опера!

— Какой же оперный спектакль на своей сцене вы считаете лучшим?

— Ответить трудно... Все спектакли в равной мере ощущаю дорогими... Может быть, я несколько выделяю «Доротею» Т. Н. Хренникова (по комедии Р. Шеридана «Дуэнья»): тут многое удивительно. Пьеса английского драматурга о событиях, приключившихся в Испании, положена на музыку русским советским композитором, чье авторство узнается с первых же тактов. Великолепна мелодическая линия, столь характерная для творчества Тихона Николаевича Хренникова, — а это один из главных критериев мастерства и таланта. В музыке «Дуэньи» светится добрая улыбка и открытое сердце, ум и лукавство, ирония и страсть. Спектакль-игра, спектакль-буффонада искрится веселым озорством; все мы работали над ним с подъемом. И настоящим подарком он стал для моих студентов — «немых» комедийных персонажей оперы.

— Вы упомянули о студентах. Расскажите, чем привлекает вас человека столь занятого, педагогическая деятельность?

— Ответить хочется словами восточной мудрости: «Счастливы имеющие много детей!» Если верить пословице, то самые счастливые люди — учителя! И с этим я вполне согласен. Более чем за двадцать лет моей работы на кафедре эстрадного искусства в ГИТИСе у меня появились многочисленные «дети». Среди них А. Николаев, С. Дитяев, А. Акопьян, Е. Камбурова, А. Пугачева, А. Елизарьев... Сейчас подрастает поколение «внуков». Возможно, будут и правнуки. Значит, я человек, безусловно, счастливый.

— Над чем сегодня работает театр? Каковы ближайшие постановки?

— Из классического репертуара только что вышел «Севильский цирюльник» Россини в сценической редакции К. С. Станиславского... Интересным, кажется, будет вечер двух спектаклей, который мы назвали «Два Орфея». Это «Орфей и Эвридика» Гайдна и «Орфей в Хиросиме» современного японского композитора Я. Акутагавы.

И, наверное, всех обрадует «Золотой теленок» Т. Н. Хренникова, — над этой оперой сейчас работает наш театр.

Орфей

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ,
А. УСТИНОВИЧА

РОМАН

ГЛАВА ПЯТАЯ

В комнатах съемочной группы, куда заглянул Крымов, было безлюдно, предобеденное солнце накалило паркет, и пахло, как в музее, пыльной обивкой старых кресел. Из кабинета директора картины доносилось торопливое постукивание, и, едва он открыл дверь, оглушило очередными пишущей машинки, понесло сквознячком, всколыхнулись листки на столе против раскрытого окна, где молоденькая машинистка зашлепала ладошками по кипам бумаг, оглядываясь на Крымова в замешательстве.

— Один? — спросил Крымов и толкнул дверь в смежную комнату, откуда ручейком пробивался журчащий голос.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

Директор картины Терентий Семенович Молочков, маленький, сухощавый, с непременно бодрым и приятным лицом, распространяющим уважительное внимание ко всем, заканчивал деловой разговор по телефону, любезно договаривая: «Взаимно, взаимно», — и, положив трубку, проворно вскочил и бросился к Крымову, выражая озабоченность и немедленную готовность.

— Вячеслав Андреевич, как я рад вас видеть! С приездом, с победой, а мы вас так ждали! Поздравляем, поздравляем от всей души!

И, говоря это, он снизу ткнулся губами куда-то возле подбородка Крымова, яркие леденцовые глаза Молочкова засветились преданностью и счастьем поклонника и киномана, которому повезло прислониться к славе кумира.

— Привет, Терентий,— сказал невнимательно Крымов, подходя к тумбочке и наливая из сифона газированной воды, зашипевшей, застрелявшей пузырьками в стакане.— О лстыц, запомни, прошу не в первый раз. Страшны не те стервятники, которые пожирают трупы, а те, которые лстыю пожирают заживо. Не сожреш ты меня, Терентий, не клюю я на восклицательные знаки, черт тебя дер! Здравствуй, успокойся и рассказывай, как дела в съемочной группе.

— Господи Иисусе, да кто может вас сожрать, Вячеслав Андреевич! — И Молочков с восторженным возмущением воздел руки к потолку, отчего рукава его чесучовой куртки сползли до локтей.— Кто может вас пошатнуть, такую глыбу! Вас!.. Ах, Вячеслав Андреевич, плохо вы себя любите и цените!..

— Умерь пыл, пожалей слова,— прервал Крымов и отпил из стакана, брызжущего пузырьками, охлаждающими горло льдыстыми иголочками.— Думаю, ты в курсе дела. Не так ли? По-видимому, не я буду снимать эту картину...

— Как? На каком основании? Как так? — изумленно вскричал Молочков и забегал по комнате, мотая полами широкой на его плечах куртки, мелькая узкими помятыми брюками.— Откуда вы принесли такую новость? Из самого Парижа? Вы меня режете без ножа!

— Сядь, Терентий, прекрати страусиную беготню. Это раздражает. Давай поговорим.

Молочков с послушным ожиданием опустился на диван и, заранее пугаясь, заморгал круглыми желтыми глазами.

— Убиваете без ножа. По первому разряду убиваете.

— Так вот, Терентий,— сказал Крымов и медленными глотками допил воду.— Снимать фильм я не буду. Впрочем, скажу тебе откровенно,— добавил он сдавленным от холода газировки голосом.— Я не должен был браться за эту картину. Просто я не понимаю, Терентий, что такое современная молодежь и что такое их современная любовь.

— Правду-маткушку побойтесь, Вячеслав Андреевич.

— Боюсь. Но это так. Каждый должен знать, на что он способен.

И он присел на подоконник, полуповернулся к Молочкову — из окна наплывало листовым жаром тополей.

Молочков схватился за голову, воскликнул взвившимся тенором:

— Я догадываюсь, в чем ваша причина! Нет тут вашей вины, нет! А если кому не в разум, так это дело скоро пройдет, Вячеслав Андреевич! Меня неделю назад тоже вызывали в инстанцию... Или вроде приглашали для разговора... Задавали вопросы о ваших отношениях с артисткой Ириной Скорцовой. Им, стало быть, никто не запретит докапываться до середины, если дело о гибели человека при неизвестных обстоятельствах...

— При неизвестных обстоятельствах? — переспросил Крымов и, оттолкнувшись от подоконника, прошлепал по комнате.— Кому неизвестных? Тебе или следователю, который тебя спрашивал? По просьбе следователя до своего отъезда на фестиваль я изложил все обстоятельства письменно. Я был единственным свидетелем... Единственным. И никто не может ничего добавить. Ни Балабанов, ни ты. Смысла не было вас вызывать — или как там? — приглашать для разговора.

— Не одних нас. Знаю, что и шофера Гулина. С ним-то вам не надо было связываться, темный он с ног до головы,— добавил Молочков без неодобрения.— Никан я не возьму в толк: неужто не верят они вам?

— На этом свете все возможно.

— Шофер Гулин сейчас ко мне зайдет,— заговорил Молочков, понизив голос.— Вы поговорить с ним не хотите?

— Охоты нет.

— Настроено он весьма по-идиотски, агрессивно, можно сказать, и собирается в суд подавать. Ох, не надо было вам, ох, не надо с дураком было! Господи Иисусе, я вспомнил вас офицером, и страшно стало мне... А ведь тридцать пять лет прошло. И тут рискуете, Вячеслав Андреевич, опять рискуете смело-стью.

— Что не надо, ты сказал?

— Избавать подонка такого, пьяницу, как стало известно, ловителя рублей... Беспокоюсь я за вас, Вячеслав Андреевич. Мне, может, ваше здоровье и нервы ваши дороже всего. Без вас мы все в съемочной группе равно щенки слепые или сироты, можно сказать. И я без вас — нуль, никто, сопля воронежская, в чужих вроде саних. Потому на душе кошки скребут, Вячеслав Андреевич, нехорошо как-то чувствую себя, когда вас кто плечом задевает...

— Давно хотел тебе сказать, Терентий,— прервал недовольно Крымов.— Мужские сантименты в деловых отношениях давно бы пора бросить. Ну скажи мне, директор, почему, ради чего ты заискиваешь передо мной?

— Обижаете. Я очень уважаю вас, Вячеслав Андреевич... — сказал Молочков, влюбленно потупив взор.— До гроба не забуду, что сделали вы для меня. Я всем вам обязан, и жена моя Соня весьма вам благодарна...

— Ставишь меня в дурацкое положение! — раздраженно сказал Крымов, с отвращением понимая, что не сдерживается, позволяя себе прежнюю, осужденную им самим слабость молодости: вспылчивость.— Роль благодетеля и благодарного — архаичное понятие в наше время! — заговорил он, не сумев подавить раздражение.— Мы с тобой хоть друзьями на войне не были, но какую-то пору воевали вместе. И наши отношения должны быть равными. Сними напряжение, Терентий, ты мне ничем не обязан! Тем более что и друзьями мы никогда не будем...

«К чему я так грубо и откровенно? Что меня заставляет говорить это?»

— Я хотел бы... мечтал, да только вы, Вячеслав Андреевич... далекий,— забормотал Молочков, и руки его кругообразно задвигались на коленях.— Да чего мечтать? Много вы для меня сделали, а неблагодарных свиней я весьма не люблю. Вы птица большого полета, а я кто ж такой... из сопливой деревни да из грязи болотной в князи выбился. Образовался на курсах. Считать я хорошо научился. А в сравнении с вами необразованная балбешка.— Молочков стукнул жилистым кулачком себе в лоб.— Хоть курсы администраторов кончил. И на войне дурак дураком был и после войны. Пока вас не встретил, Вячеслав Андреевич...

— Самоуничижение паче гордости,— сказал Крымов.— Я сделал для тебя не больше того, что мог и другой. Ну хорошо, Терентий. На всех парах изображай из себя благодарного раба, а я буду в позе благодетеля наслаждаться твоим гордым самоуничижением.

«А ведь он похож на кузнечика. Сидит на диване, шея вытянута, напряжен, руки на коленях, глаза налиты умильной преданностью, вот-вот готов прыгнуть и задушить в объятиях, несмотря на мою грубоватую откровенность...»

— Боюсь, Терентий, тебе когда-нибудь надоест быть благодарным...

«Что толкает меня говорить подобную глупость?»

— Никогда. Крепко меня обижаете,— искренне запротестовал Молочков и, сощурился в сладостном оцепенении, договорил горловым выдохом:— Меня бы Соня прокляла... и умер бы я.

«Умер за меня? Прокляла Соня? Или он безумец?» Крымов переспросил:

— Соня?

— Моя жена Соня, Софья Павловна,— скороговоркой пояснил Молочков.— Она прямо души в вас не чает. Она все ваши фильмы назидательно помнит.

Да, Софья Павловна недавно стала женой долго жившего в одиночестве Молочкова, а накануне женитьбы, пьяный от счастья, он привел ее сначала домой к Крымову, затем на студию, с гордостью знакомя и представляя съемочной группе будущую супругу. По профессии она была учительница пения, и Крымов поразился ее сильным, толстым ногам (наводившим на мысль о хозяйственной склонности ума), мужской величине ее плеч, полноте бюста и бесистому голосу, когда по просьбе ликующего жениха она нестеснительно пропела, мощно притопывая ногой, арию Сольвейг под аккомпанемент звукооператора,

приглашенного к пианино в актерскую комнату.

— Ах да,— сказал Крымов, вспоминая свою неловкость при этом знакомстве.— Да, интересная женщина, талант, лирическая натура, но не это я хотел сказать, Терентий,— оборвал он себя, чтобы не сбиться на привычный иронический тон, нестати высмеивающий, в сущности, малознакомую жену Молочкова.— Так вот что я хотел сказать, Терентий. И это серьезно,— добавил Крымов.— Картину я снимать не буду. Этого моего решения я не сказал Балабанову. Так что тебе, по всей видимости, придется работать с другим режиссером. Второй актрисы такой, как Скорцова, нет. И я не верю в удачу. Впрочем, удача или неудача — теперь не имеет значения. Так что, Терентий, вероятно, с год я побуду в простое, если, разумеется, не законопатят в тюрьму. Ибо все может быть в наши насыщенные созидательными со-бытиями будни...

— И вы так шутите? — язвко поежился Молочков.— Когда вы не будете смеяться над всем?

Крымов ответил полусерьезно:

— Не над всем. Над самим собою. В этом есть надежда, коли мы не исповедуемся в церкви. Высшая мудрость приходит тогда, когда начинаешь понимать, что все может быть.

— Ой-эй-эй! — покачался на диване Молочков, и леденцовые глаза его всполошились, замерцали.— Боязно мне за ваш язык, Вячеслав Андреевич, люди стали обидчивые очень, гордые, грамотные, не так поймут и мнение составят нехорошее.

— Ах, мой золотой Терентий! Вокруг столько фальшивых репутаций, неимоверно наду-тых пузырей, случайных известностей и неиз-вестных знаменитостей, что мое развенчание «нехорошим мнением» ничего не убавит, не прибавит в деталях моей биографии.

— Злые есть люди-то... Все норовят съесть кого...

— Посмотрим на их аппетит. А я пока по-ехал на дачу. Ну будь...

Он сказал фамильярное «ну будь» и с неприязнью к этим кинематографически бо-гемным словам пошел к двери, на ходу потрепав по плечу Молочкова.

«Нет, обман! Независимо от воли я ничего не могу поделать с собой,— подумал Крымов, мучаясь мерзким неудовлетворением.— С милым ерничеством развлекаю и его и себя. А на самом деле болен неврозами двадцатого века, как и все в искусстве, которое не может насытиться ни тщеславием, ни славолубием. Честолюбив и самолюбив, как вчера, как тридцать лет назад на войне. И вот совестно при-знаться, что совсем безразлично, что подумают обо мне... Так, может быть, вся моя жизнь была трусостью, если я боялся за свою репутацию и хотел понравиться? Ради чего? На войне — ради орденов? После войны — ради успеха? Кто я — лжец или лицедей?»

Выйдя в комнату, где на сквозняке работала машинистка, бегло бьющая по клавишам, Крымов задержался, внезапно столкнувшись с чем-то посторонним, мешающим, и не сразу сообразил, что ощущение возникло при виде парня, ссутуленно сидевшего на стуле сбоку шкафов, набитых сценарными папками. Сидел он, наклонив голову со свисающими черными волосами, и меж раздвинутых коленей нервно тискал, мял кепку узловатыми руками — и нечто назойливое заставило Крымова внима-тельно взглянуть на парня, рывком вскинувшего голову. Он миглом узнал эти крепкие щеки, крепкий лоб, большие губы, на которых тогда, в тот день, была кровь, и тогда он, этот парень, оборачиваясь, дыша толстой шеей, сли-зывал кровень языком... Это был шофер Гулин. Его воспальенные, как крылья белки глаза злобно рыснули мимо Крымова, желваки бу-грами затвердели на скулах. И Крымов, загора-ясь, вспомнил свое бессилие в ожидании маши-ны и оправдательное бормотание шофера, его задушливый хрип, когда он, жалкий, не сопротивляясь, размазывая кровь по носу, ог-ступал боком к раскрытой двери, где видне-лись в пепельнице окурки.

«Значит, он на прием к Молочкову?» — ми-молетно определил Крымов.

И не справившись с соблазном бесовской иг-ры, подмываемый темной, знакомой когда-то в молодости силой, вдруг взрывающейся порой в нем послевоенное благообразие, он взял за

потный подбородок Гулина и, подняв его, с ледяным спокойствием, какое появлялось в момент крайней решимости, спросил негромко:

— Ну что, ненавидишь антиллегенцию, парень? Покрушил бы их, миллионщиков, бездельников, разаратников, ежели бы твоя воля?

— А-а!— Гулин вырвал подбородок, вскинувшись, подобно взнузданной лошади, и выражение ненависти плеснулось в его зрачках, он выговорил осяпало: — Не приставайте, свидетели есть! — И ткнул пыльцем в сторону обломленной машинистки. — Обратно избить хотите?

— К сожалению, не могу позволить себе запретного детского возмездия, — сказал Крымов и вышел в коридор, пугаясь того возможного удовольствия, какое испытал бы, увидев следы справедливого наказания на этом крепкощекоем лице.

За воротами студии он подошел к машине, необъяснимо почему думая о том, что при всех минусах в общем-то много лет был баловнем судьбы, хотя сдавал каждую готовую картину с задержками, с длительными диалогами в кабинетах, вызывая время от времени тревожный переполох в Комитете по делам кинематографии, опасаясь принимать фильм без уточняющих поправок. Вместе с тем его раздражали студийные мальчики с медальонами на волосатых грудях, значительно и умно бормочущие в кулуарах о его новаторской левизне, и не менее раздражал ядовито доползающий шелестящей змейкой шепот о его взбалмошной неуправляемости. А он, в разнообразных общениях познавший и левое и правое лукавство, не желал слыть ни левым, ни правым, ни неуправляемым, стараясь оставаться, может быть, не в меру открытым и в меру нежным, особенно в прошлых картинах о юности своего поколения, о войне с ее оголенной скорбью потерь и, наверное, в последних фильмах о семидесятих годах с их микробом потребления, вялого нравственного равнодушия, сиюминутных забот и безлюбивой любви к земле.

Но, слава богу, он должен был сейчас ехать на дачу, за шесть дней соскучившись за границей по детям, по Ольге, ее тихому взгляду снизу вверх, медлительному ровному голосу, который порой умилял его, по ее стыдливой близости, шутивому вопросу после первого поцелуя: «Ты все-таки не очень забыл меня?» И он тоже несколько шутивно отвечал ей, что погибал в ностальгии, тосковал по чадам и домочадцам, а первую очередь по Таньке, смешливой и озорной дочери, младшей в семье, откровенной его любимице. Он был спокоен в отцовском чувстве к сыну Валентину, студенту третьего курса Института кинематографии, не без его совета пошедшему по его стопам, однако малоразговорчивому, замкнутому, порой непримиримому по отношению к ностальгии «предков» и их искусству, то есть освобожденному от всякой sentimentalной чепухи, отжившей и устаревшей в век техники и прагматизма. Молчаливая отчужденность сына, его нелюдимость не сближали их и не создавали родственной взаимности, а Крымов из-за всегдашней загруженности работой и отсутствия воспитательных способностей не искал особо близких точек соприкосновения и считал сына чересчур современным парнем, но вполне заурядным будущим оператором, лишенным художественной жилки, исповедующим приемлемую разумом, достойную времени формулу: надежда мира в технологической цивилизации.

По дороге на дачу Крымов заехал на московскую квартиру, и, когда вошел в душную тишину и увидел столбики солнца сквозь щели штор в духоте комнат, летняя заброшенность квартиры повеяла сиротством, и уже не захотелось быть здесь одному, как вчера. Он выпил рюмку коньяка, чтобы снять головную боль, положил под язык валидол, чтобы отбить запах (на случай непредвиденной встречи с ГАИ), взял чемодан с сувенирами, которые за границей покупал «своими женщинами» всегда, и спустился к машине.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В дачном поселке, скрытом в буйстве июльской зелени, он остановил машину возле калитки, затененной липами, вылез и тут же через штакетник увидел в саду между яблонями

расставленные три шезлонга и свою дочь, свою любимицу Таню, девятиклассницу, коротко подстриженную под мальчика. В спортивной майке, открывавшей загорелые плечи, она лежала в траве на коврике, грызла яблоко, болтала босыми ногами и читала. С засиявшим лицом Таня обернулась на скрип калитки, сейчас же гибко вскочила и, швырнув в кусты огрызок яблока, завизжала радостно:

— Папаны, с приездом, ур-ра! Привет и салют!..

— Здравствуй, милая, — сказал Крымов и пошел в хлещущей по ногам траве навстречу дочери, бежавшей к нему. — Ну здравствуй, чертенок, пигалица моя, — проговорил он, целуя ее в волосы, пахнущие солнечным теплом. — Слушай, Татьяна-сан, я тебя вроде бы не видел целый год, и нос у тебя облупился до невозможности, и вся ты обгорела до негритосности! Что, целый день на солнце?

— Ах, папашка-букашка, я рада, рада, я по тебе соскучилась! — весело говорила Таня с той принятой между ними доверчивостью дружбы, которая более всего была ценна Крымовым. — А ты похудел в своих границах и стал какой-то очень изящный и бледный! А мы с мамой читали в «Советской культуре», что твой фильм получил приз и был показан в переполненном зале. Так, а? Ничего не приврали работники пера? А то они умеют так перестараться, что хоть караул кричи!..

— В данном случае нет, — ответил Крымов, поймав в себе счастливую ироническую легкость под веселым взглядом дочери, наслаждаясь ее озорным голосом, ее задорным обгорелым носом. — Зал был набит, причем были поломаны кассы, поматы пожарники, сидели, лежали и стояли, кто-то висел на портюре, самые ловкие устроились на люстрах и во все горло кричали то ли «шайбу!», то ли «режисера с поля!».

— Ну вот, начинается! — воскликнула Таня с осуждающим восторгом единомышленника, быстро уловившего знакомый прием. — Опять, папа? Не поймешь, где шутка, где серьезно. Подожди, мамы нет, она на Солнечной поляне работает. Сядь в шезлонг, вот сюда садись! Она потянула его за руку, посадила лицом к солнцу, сама села напротив, откинувшись в шезлонге, таинственно выглядывая из-под мохнатых, белесо опаленных солнцем ресниц.

— Папа, я хочу у тебя спросить: правда или нет? Хотя я ни капли не верю...

— Чему, дочь, именно?

— Таня наморщила нос.

— Ужасно глупые слухи, от которых уши вянут. Вчера на пляже ко мне подошла эта толстуха Симка Анисимова, ну, дочь бывшего твоего оператора, который сейчас дачу в нашем поселке купил, и ехидно говорит: «Ты знаешь, что с твоим отцом?» «Нет, а что ты знаешь?» «Значит, не знаешь, что уже все знают?» «А в чем дело, дураха?» — я спрашиваю. А она: «Ну ничего, все узнаешь, когда надо будет!» Знаешь, не знаешь, крокодилки известная. — Таня хмыкнула. — А глазки блестят, как у ведьмочки. Потрясающе! Я, конечно, назвала ее кухонной скалкой, но кто-то глупые слухи выдумывает...

— Какие, дочь? По-моему, ты недоговорила.

— Будто у тебя в съемочной группе погибла молодая актриса... и будто ты к ней был неравнодушен, — сказала Таня и покраснела, независимо трянула головой, протестуя и не соглашаясь. — Всем ясно: слухи распространяют кухонные скалки...

— Танька ты моя милая, — сказал Крымов, видя на лице дочери искренность, неумение лгать, озабоченность защитой семейной чести, которую он, ее отец, не способен был уронить.

— Вот уж, называется, наговорила! Да это же слухи, папа! — воскликнула озабоченно Таня и хлестко шлепнула себя по коленям. — Ты, папа, какой-то грустный стал! Ничего не слушай! Я тебя сейчас развеселю, папа! Потрясающе! Знаешь, у нас скоро свадьба: наш Валентин Вячеславович, студент третьего курса, знаешь что? Выходит замуж. То есть я всегда путаю... Ха-ха, просто женится. Это еще почти тайна, в газетах об этом еще не шумели, интервью не брали, но, но, но...

— И что но, Таня?

— Но все идет к этому. Мама в панике. Просто невероятно! Как только жених приезжает со своей избранницей, мама места не

находит, берет свой мольберт — и целый день на этюдах. Не приходит на обед, наверно, в лесу питается ягодами. Ужасно переживает, а мне смешно, хотя виду не показываю. Нашел себе... «тысячу и одну ночь», Джульетту — утя, утя, утя!

Крымов уловил в ее голосе плохо скрытую ревность, но тотчас она засмеялась так звонко, так естественно, что, вся загорелая, с лянными волосами, закричалась юностью, беззаботным здоровьем, а его на секунду сжалось необъяснимое пронзительное чувство опасения за нее: случись что с Таней — и ничто не удержало бы его на земле.

— Утя? Ее звать Утя? — спросил он вполголоса, непроизвольно связывая это секундное чувство опасения с тем страшным июньским днем и холодом мокрых светлых волос на его щеке.

— Утя, утя, утя, — смешливо повторила Таня и показала поцарапанными пальцами, будто вытягивает свой облупившийся нос. — Непонятно? У нашей невесты утиный носик, такой остренький носик... и башмачком, его так и хочется потрогать, я прямо удержаться не могу, но она — знаешь? — с сомнением. Да ты ее увидишь. Студент с утра ее на пляж повел. К обеду придут.

— Ты не слишком к этой уте? А?

— Ни капли. Мне интересно за ней и Валентином наблюдать. Он просто спятил, избражает индюка, а она — павлиньих, даже мизинчик оттопыривает, когда стакан берет. Утю звать Людмила. Вот тебе Руслан и Людмила. До невозможности юмористично! Ранние произведения Антона Павловича Чехова. А мама в ужасе.

— Я соскучился по тебе, Танька, — сказал ласково Крымов и встал с шезлонга. — Что ж, ясно. Пойду к себе. А ты открой чемодан и выбери сувенир. По-моему, тебе понравятся вьетнамки на шнурках.

В кабинете были распахнуты окна, дверь на балкон, и мягко ходил садовый воздух.

Он оглядел свою мансарду и сразу заметил постороннее вмешательство, чужое присутствие в ней.

На диване, где он любил лежать у раскрытого окна, глядя на закат, на тихое угасающее золото на березах, предаваясь томительной власти вечерних мыслей (как определяла это Ольга), сейчас белела подушка и простыня, наполовину прикрытая одеялом — наспех прибранная постель, — возле на спинку стула небрежно был повешен женский халатик, коричневая сумка с ремнем забыто брошена на коврик близ письменного стола. Ему непривычно было, что его проигрыватель раскрыт, книги на полках кем-то потревожены, на краю журнального столика отблескивало на подставке круглое зеркальце, а рядом лежали тюбик губной помады, плоская коробочка с пудрой, женская расческа. И то, что в его кабинете ночевала, по-видимому, невеста сына, задевало Крымова простодушным и бесцеремонным вторжением в его обжитые владения, где неизменно царствовал выбранный им и заведенный для работы порядок.

«Значит, так уже далеко зашло, если она ночует на даче?» Он снял пиджак, походил по кабинету, насквозь светлому, всегда покойному его убежищу, постоял против журнального столика, поглядывая на зеркальце, в которое утром, вероятно, смотрелась невеста сына, с ироническим удивлением отметил, что зеркальце ее поставлено на кипу вариантов режиссерского сценария, сказал вслух: «А это трогательно», — и вышел из кабинета.

Перед тем как спуститься вниз, Крымов заглянул в комнату жены, маленькую, уютную, куда ему приятно было заходить, в мир ностальгии по прошлой Москве двадцатых и сороковых годов, ныне ставшей холодным многоэтажным городом, потерявшим прежнюю душу.

Здесь, в уголке Ольги, было то, что любила она: плавность линий и изгибов, стройность, округлость в архитектуре, распространяющей тепло, успокоение, радость сплуттов, — рисунки и фотографии Пречистенского бульвара, храм Христа Спасителя с видом на Замоскворечье, Сухарева башня с белыми воздушными ярусами и открытой галереей, весеннее Зарядье, его утренние переулки, вековые часовни и Ольгин московский пейзаж весь в ледяной ро-

«ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ ИСПОЛНЕНО...»

зовости зари, с обросшим инеем первым трамваем на пустынной улице, а рядом пейзаж дачный, грустно влекущий настроением сумерек: за окном голубеет зимний воздух, синет снег на покатых крышах меж черных елей, а кое-где уже теплятся огоньки в домах.

Всякий раз Крымова овеивало здесь нетронутой чистотой, исхоженной от старых фотографий, пейзажей на стенах, от чертежного стола с лампой на гибкой ножке, от тюлевой занавески до пола, в слабых волнистых движениях которой было что-то женственное, опрятное, так же как в опрятно застеленной кровати Ольги.

Когда пятнадцать лет назад строили дачу, эту комнату отделили первой, и не в Москве, а на даче встречали Новый год, возбужденные строительными хлопотами, деловыми разговорами с плотниками исполненные самых радужных надежд на будущее, уповая на то, чтобы летом жить, работать в саду, принимать гостей, разумеется, только за городом. Но та первая встреча Нового года на даче была случайной и особенной, потому что, задержанные обильной метелью, завалившей дороги, они не поехали в Москву и, отрезанные снегопадом, остались вдвоем в недостроенном доме, скипидарно пахнущем холодными стружками на лестнице и воском свечей, оттаявшей хвоей в Ольгиной напленной комнате, сотрясаемой вьюгой целый вечер. И все, что тогда делала, говорила Ольга, было наполнено ее любовью к нему: в ее безоблачных бархатных глазах, подставленных его взгляду, проходила то улыбка, то вырвалась робкая нежность, когда он касался ее, своей жены, уже родившей двоих детей, но такой же нерешительной, как в девическую пору, отчего-то стеснявшейся его нетерпения.

Он срубил в лесу елку, принес ее вместе с металлическим духом снега, сплошь завьюженную, и Ольга стала наряжать ее нарезанными из остатков обоев гирляндами, он же мешал ей, топтался позади, острял, советовал, видел ее наклоненную гладко причесанную голову, тугой узел волос на затылке и то и дело брал ее за плечи, поворачивал к себе. А она,avorоженно глядя ему в лицо, говорила растерянно:

— Это год лошади, поэтому тебе надо надеть коричневый костюм.

— Ах так, Оля? Обязательно коричневый? К несчастью, забыл свой гардероб из пятидесяти смокингов в Буэнос-Айресе в апартаментах отца «Хилтона». Пустяки. Дам телеграмму.

— Какая забывчивость! Что же делать? Сбруя ведь коричневая в общем-то. Знаешь, какой ритуал? Нужно, чтобы было надето на нас что-то кожаное. И чтобы висела на мужчине золотая цепочка. Нагни голову. Я надену тебе свою. Она сняла с себя и застегнула на его шею крошечную цепочку, сказала озабоченно: — А мне дай твой коричневый ремень от брюк. Я подпояшусь. На столе должна стоять игрушечная лошадка. В блюде перед ней — овес и кусочек сахара. Еще что? Ровно в двенадцать шампанское пить нельзя. Да у нас и нет его. Как хорошо! Только коньяк или водку. Это, слава богу, у нас есть. За минуту до полночи открыть дверь и выпустить старый год. Ровно в двенадцать войдет Новый год. Закрыть дверь. И тогда надо выпить за него. Давай так встречать Новый год, по лунному календарю.

И он с великой охотой принял ритуал встречи Нового года по лунному календарю, не ведая до сих пор, есть ли год лошади в этом летосчислении, и Ольга, поджог светясь глазами, сидела за столом, подпоясавшись мужским ремнем, у него же на шее висела Ольгина цепочка, сохранявшая, мнилось, ее телесное тепло, трогательная в женской невестности на его грубом свитере, и стояла на середине стола игрушечная лошадка, и было блюде с кусочком сахара. А ровно за минуту до полночи он предложил Ольге: «Пошли встречать коня, только возьми свою рюмку», — и вышел в пропитанную смолистостью стружек темноту лестницы, где еще не было проведено электричество (как и во всем доме), спустился с мансарды в тамбур, распахнул входную дверь на ветер, несущий наискось сизые космы, гул метели, окатившей их обоих глухим волчьим холодом непроглядной ночи. И почудилось, что они несутся в потемках по краю вселенной, он и она, оторванные от земли, в соеди-

ненном счастливым одиночестве, как бывало в молодости, когда им не нужно было ничего, кроме старого, продавленного дивана в снимаемой за тридцать рублей комнатке в коммунальной квартире на Якиманке.

— Вот он идет, слышишь? Топает валенками между сугробами и крикает в усищи, — сказала Ольга, неумело шутя и вздрагивая. — Слышишь? Выпустил старый год и вошел. И холод внес с собой. Чувствуешь?

— И снегу натащил старикашка.

Он захлопнул дверь (вьюгой успело нанести на пол белые холмики), обнял Ольгу, согрелая, чокнулся с ее рюмкой и поцеловал в холодные, сладко-горькие от коньяка губы, сказал полусерьезно, скрывая захлестнувшее волнение:

— С Новым годом, моя любимая жена!

— Ты сказал так, как будто у тебя гарем. Любимая жена и нелюбимая жена, — ответила она и, вздохнув, тоже легонько поцеловала его.

А он опять поразился тому, что она поцеловала его не согревающимися от холодного вина губами так же наивно, неопытно, вызывая прежнюю неутраченную, как когда-то в целомудренной молодости после войны, не научившись тому, чему еще до встречи с ней научили его послевоенные знакомства, и, наслаждаясь ее неумением и неразвращенной чистотой, он сказал:

— Ты, чудесная моя женщина, опять целуешься, как галчонок, и все время закрываешь глаза и вздыхаешь.

В два часа ночи метель утихла, и, до глухоты окруженные безмолвием оцепеняющей стужи, они вышли в первозданную лесную пустыню, деревенскую, сугробную. Скрип снега под валенками был так пронзительно и остро звонок, что перехватывало дыхание. В оранжевых морозных кольцах светила луна, сыпалась изморозь, и Крымов видел в лунном дыму скольжение теней на свежем покрове снега, как отражение солнечных бликов на песчаном дне.

Ольга шла рядом, говорила о чем-то (он плохо слушал, думая о том, что никогда не переставал любить ее). Она иногда трогала его рукав, взглядывая снизу с кроткой улыбкой, а он, немного огульный своей повторной влюбленностью, глядел на ее приглашающее к спокойной радости лицо и тоже улыбался и ее взгляду, и этой новогодней ночи, и стреляющему треску деревьев в лесу, где изредка срывались текучей пылью снежные пласты с отяжеленных этажей елей.

Но Крымов помнил и солнечное серебристое утро первого дня Нового года, когда, проснувшись, увидел, что она, зажав ладонями виски, смотрела на него неподвижно и задумчиво, точно хотела запомнить его, перед тем как расстаться надолго.

— Ты что? — спросил он встревоженно и обнял ее, опять загораясь желанием.

— Я проснулась и увидела, как ты спишь. И подумала, что наши дети не похожи на тебя. И тут мне стало так страшно. Неужели через десять или пятнадцать лет мы не увидим друг друга? Как мне жаль и тебя, и детей, и всю нашу короткую жизнь на земле.

— Почему жаль, Оленька?

— Мне показалось, что мы с тобой вдвоем на целом свете, но ты не любишь меня. Нет, мы все-таки одиноко. Ты и я... — Ее тихие бархатные глаза дрогнули, и, пряча лицо, она повернула голову к стене, а он с разрывающей душу горечью стал целовать ее слабые, ускользающие губы и шепотом говорил, переводя дыхание:

— Ты напрасно, Оля. Наверно, мы с тобой были иногда счастливы.

Он говорил это, опасаясь, что Ольга возразит и разрушит его новую влюбленность, ставшую за несколько часов их оторванности от Москвы смыслом его близости к ней, влюбленность в посланную ему благосклонной судьбой святую женщину, ни разу не обманувшую в чувстве, хотя сам бывал в молодости грешен не однажды.

— Какая несправедливость, — сказала она шепотом и прижалась, вдавившись носом ему в грудь. — Я не хочу с тобой расставаться.

— Я знаю, тебя пугают сны, — проговорил он. — Забудь о том, что привиделось тебе.

«Солдаты! Друзья мои! Мне доносят: рабы освобождены мною, но закабалены новой кабалой; мне доносят: перуанские деньги, смирившиеся перед силой вашего героического оружия, по-прежнему сильны... мне доносят: вражда и ненависть не кончились в этом мире; мне доносят: брат по-прежнему поработает брата, попирая Свободу... мне доносят: ложь и клевета по-прежнему господствуют в этом мире; мне доносят: даже героическая смерть ныне не освобождает человека от клеветы на него... мне доносят: по-прежнему великое слово «свобода», ради которого мы положили и честь и жизнь, служит прикрытием пагубы и корысти; мне доносят, что великая Любовь по-прежнему беззащитна, а предательство по-прежнему сильно».

Эти горькие, но справедливые слова выхватывает из своего сердца перед забитой людьми огромной площадью главный герой нового романа Владимира Гусева «Огненный ветер Юга».

В. Гусев и ранее обращался к историческим повествованиям, в центре которых были декабрист Михаил Лунин и великий деятель Латинской Америки Симон Боливар. В новой книге он рассказывает о сподвижнике и, кажется, главном сопернике Боливара — национальном герое Аргентины генерале Хосе де Сан-Мартине, верховном главнокомандующем, Освободителе Юга, правителе Единого Юга...

Роман своеобразен. И суть не в том просто, что хроника исторических событий здесь на втором плане, а на первом — проникновение в дух времени и душу народа. Для этого проникновения писатель избирает особую форму, — нелегко воспринимаемую, но органичную авторскому замыслу. В «Огненном ветре Юга» нет привычных сюжетов, фабулы, нет обыкновенного развития романного действия и характеров действующих лиц, у них нет даже имен. Нет в романе и того решающего сражения при Майпу, к которому устремлены, в котором сошлись все герои книги и которое на рубеже 20-х годов прошлого столетия должно было определить будущее Юга Южной Америки.

Но есть в романе сам этот Юг; есть ярость борьбы как за Свободу, так и против свободы — «ярость, которая непредставима в Европе, а представима лишь в этих вулканических, в этих равнинных, в этих ледовых и огненных землях»: есть народ «с невиданным и мощным, могучим смещением крови, наций и рас», «ведь если сравнить нас со всем человечеством, то мы — это оно, только резче, гуще и крепче; только острее и контрастней».

Владимир Гусев влюблен в этот народ, в этот континент, в их историю и их героев. И его манера прозаика, которой немало присущи черты романтизма начала века прошлого и символизма начала века нынешнего, впервые, быть может, нашла себе соответственные лица и события для воплощения.

Семь обобщенных фигур, семь романтических историй, семь символических образов: солдат, предатель, бригадир, адъютант, офицер, командующий, женщина — смогли оживить, запечатлеть, выразить единый образ — образ Юга. И образ центрального героя книги.

Главное, что пытается разгадать в нем Гусев, — это его Спокойствие.

Хосе де Сан-Мартин бился за Свободу, хотя заранее знал, что все останется по-прежнему. Он брал на себя ответственность за бесчисленные жертвы, за жесточайшие смерти. Он верил: «Свобода важна сама по себе...»

Но когда победил, когда был в зените славы, когда мог стать верховным правителем, поехал к Боливару, отказался от всей власти в его пользу и отбыл в Европу.

Почему? Этот вопрос уже свыше ста пятидесяти лет задается снова и снова. Гусев не дал на него ответа — он написал роман, из которого можно попытаться найти свой ответ. Может быть, и такой?

«...Трудность не только в том простом, что строить труднее, чем разрушать; тут трудность и в том, что дух разрушения, раз овладев людьми, имеет свою последовательность; тут трудность и в том, что разрушается нечто одно, а создавать надо, имея выбор, притом неопределенный».

Свобода пришла, но сделать выбор генерал не смог. Ему только «доносили» обо всем, — он был слишком высоко над людьми и не решился отвечать за новую Свободу.

Д. ИВАНОВ

Владимир Гусев. Огненный ветер Юга. «Октябрь», № 12, 1984.

Продолжение следует.

ГРОЗЕН И КРОТОК

Этот шестирогий баран, несмотря на столь сильное «вооружение», обладает кротким нравом и избегает вступать в поединки.

ВЕЗДЕСУЩИЙ ВЕЗДЕХОД

Японская фирма «Судзуки» выпустила необычную модель мотоцикла-вездехода. Машина снабжена четырьмя колесами с усиленными шинами. По заявлению представителей фирмы, такой мотоцикл может двигаться по любой пересеченной местности, взбираться на крутые склоны и преодолевать пески и снежные заносы.

О ЭТА МОДА!

Обычно бусы, ожерелья, цепочки с медальонами и прочие украшения, надеваемые на шею, женщины носят спереди. Но вот новый «крик моды» — эти украшения перемещаются на 180° и свешиваются вдоль спины.

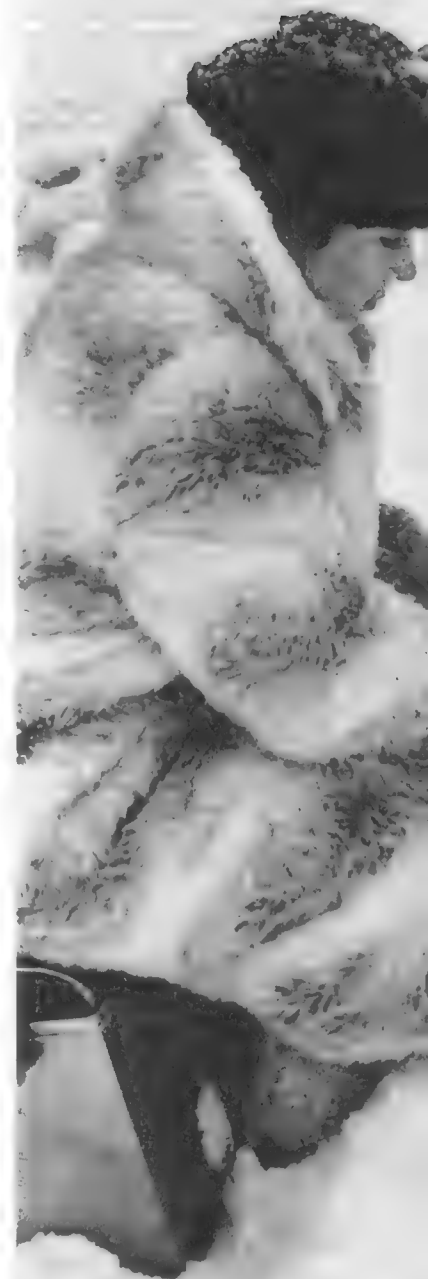
САМОВЫРАЖЕНИЕ АРХИТЕКТОРА

Необычный дом построен в Токио, архитектор назвал его «зданием-капсулой». Каждая «капсула» — изолированное помещение. Экстравагантно? Да. Красиво? Как сказка... Удобно? На этот вопрос предстоит ответить обитателям нового здания.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

В последние годы Бразилия объята золотой лихорадкой, толчком для которой послужила находка нескольких крупных самородков. Ищут золото на старых рудниках, в скальных массивах, по руслам небольших речушек. Ищут одинокие золотоискатели, ищут товарищества из нескольких человек, ищут солидные компании, оснащенные современной техникой. И небезрезультатно: в 1980 году добыча золота в Бразилии составила 8,3 тонны, в 1982-м — 34 тонны, а в прошлом году — 46 тонн. В прошлом же году были найдены два самородка-великана весом в 36 и 62 килограмма.

НЕ

Воскресенье на реке Москве.

Соревнования окончены, но молодые супруги Александр и Людмила Журавлевы остались на льду.

Фоторепортаж Э. ЭТТИНГЕРА

Пораньше из дома, лучше с самой зарей. Тогда весь праздник ваш. Вы увидите, как стигает солнце туманное одеяло с реки, как одно за другим выступают из темного лесочка напротив деревья.

Сперва, правда, кажется, что воскресенье обещает быть серым и неприветливым. Январский морозец, словно метелкой, смахнул удильщиков. На реке ни души. Но не торопитесь с выводами. Это дилетанты боятся холода, а настоящий рыбак от погоды не зависит. Одержимые страстью рыбаки обживают речушки и озера.

Притихла жизнь на реке. Не слышно людских голосов, моторов. Любители водных прогулок дают рыбке «отдохнуть». Один только снег работает. Падает легким, оборотным. Кружится, засыпает редкий след, слетая в лунку, растворяется в темной воде.

Лед давно уже окреп настолько, что теперь рыболову доступны любые дали и глубины. Только январь — пора бесклевья. В это время уже не соблазнить никакой насадкой сазана, жереха, а также давно потерявших аппетит нараса и линя. И все же не унывай, рыболов: почти во всех наших водоемах есть окунь.

Но даже и он, неутомимый и вездесущий спутник рыбака, еле шевелит хвостом, проплывает мимо вкусного мотыля. Если в эту пору, укрывшись от света, заглянуть в лунку, то можно увидеть сразу нескольких окуней, лениво наблюдающих за движением мормышки. И вот один из них бросается на нее и становится добычей рыболова.

Если очень повезет, можно поймать щуку. Но прежде чем эта хитрая хищница попадет на крючок, охотник-удильщик, кажется, обшарит блесной весь водоем.

Хорошо на реке! Позамело все вокруг. Бело и спойно. И думается легко. Сидит, завернувшись в тулуп, у льдистой проруби рыбак. Час, другой. Надо ждать, ждать. И в награду — клюет!

Любители зимнего лова не всегда испытывают судьбу в одиночку. Бывает, и соревнуются в удаче! Тут уж, как говорится, не зевай, ибо везет лишь тем, у кого спортивный характер, сноровка и ловкость. Недавно в Кировском затоне реки Москвы состязались в мастерстве четыре команды удильщиков столицы и гостей из Риги.

На мороз никто не обращал внимания, ледяная вода тоже никого не смущала. Торопясь и обгоняя друг друга, бурили лунки, забрасывали удочки и вытягивали под одобрительные возгласы болельщиков зазевавшихся окуней. За три часа двадцать спортсменов-рыбаков поймали около семи килограммов рыбы, а больше всех — Александр Балашов. И победа пришла к москвичам. А вот первая рыбка на этом своеобразном празднике досталась вовсе не участникам соревнования, а мальчику Коле Понятовскому, наверное, оттого, что он ловил уже за тем пятачком, на котором властвовали судьи.

З. КРЯКВИНА

Лидер.

УНЫВАЙ, РЫБОЛОВ!

— Подведем итоги!

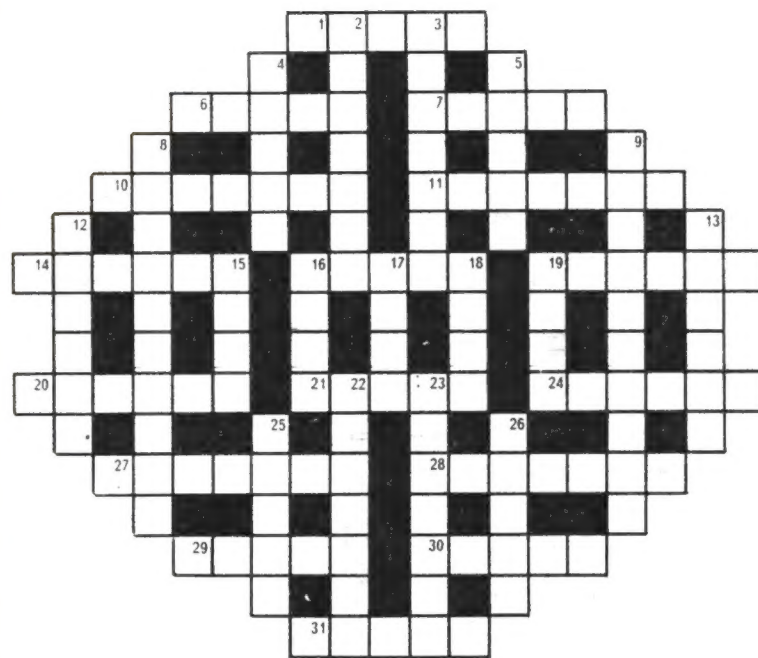

A black and white studio portrait of a man, a woman, and a child. The man is seated on the right in a dark suit, looking towards the camera. The woman is seated on the left in a dark, patterned dress, looking towards the man. A young child is seated between them, leaning against the woman. The background is a simple studio backdrop.

Письмо Т. Л. Щепкиной-Куперник Чехову. Автограф публикуется впервые (ГБЛ).

[illegible]

Ник. ГЕЛМОСОВ

АВТОР ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В
ТЕКСТЕ. А. П. ЧЕХОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

ФОТО С. КАРМАЛИТО (ТАСС)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕ-
ЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (замести-
тель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель
редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ,
Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА

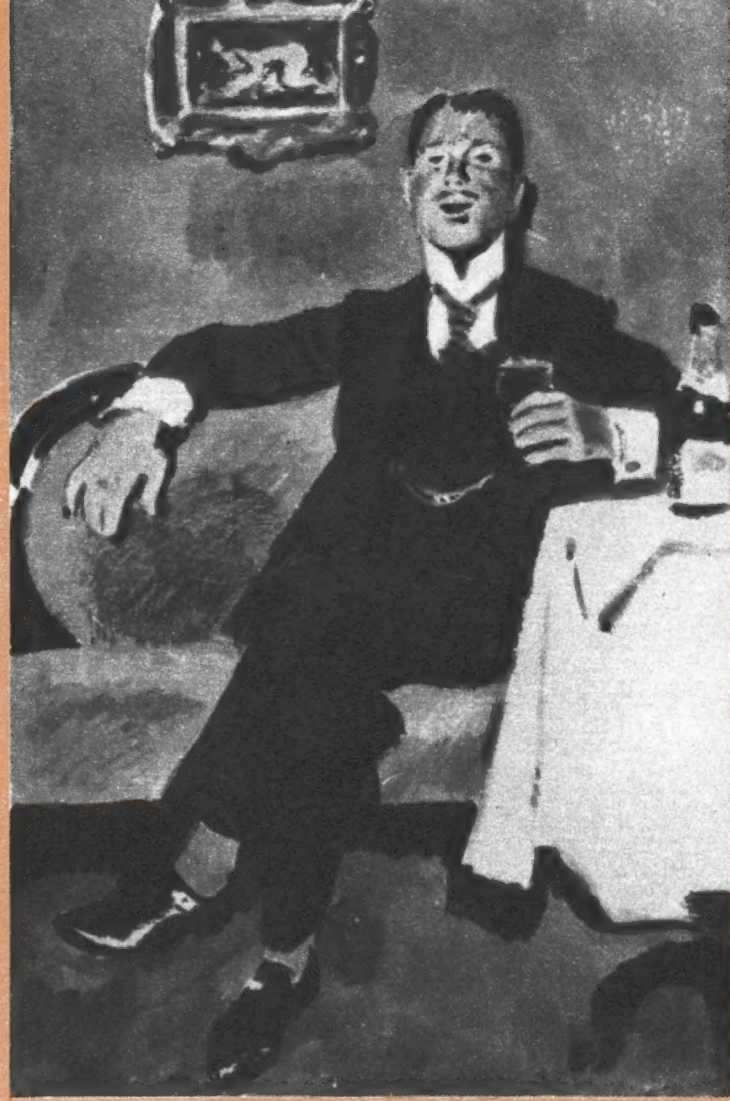
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 07.01.85. Подписано к печати 22.01.85. А 00309.
Формат 70×108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 327. Заказ № 4035.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП,
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Капитанский мундир».

«Ворона».

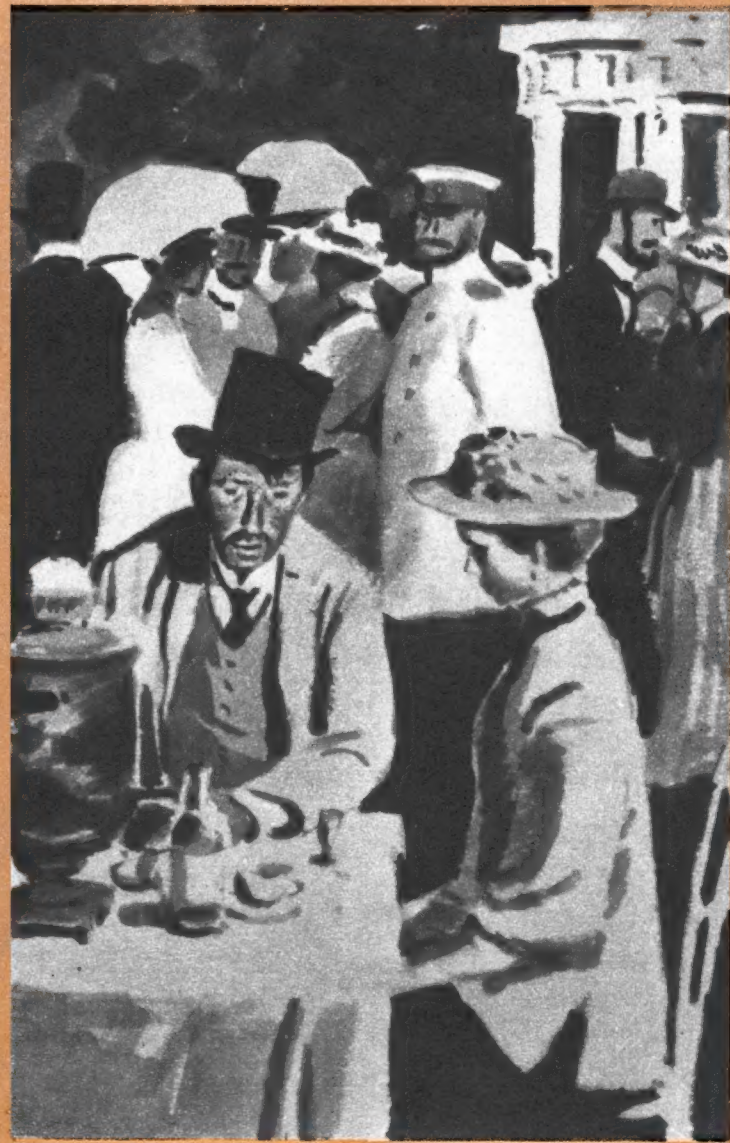
П. Н. ПИНКИСЕВИЧ,
народный художник РСФСР

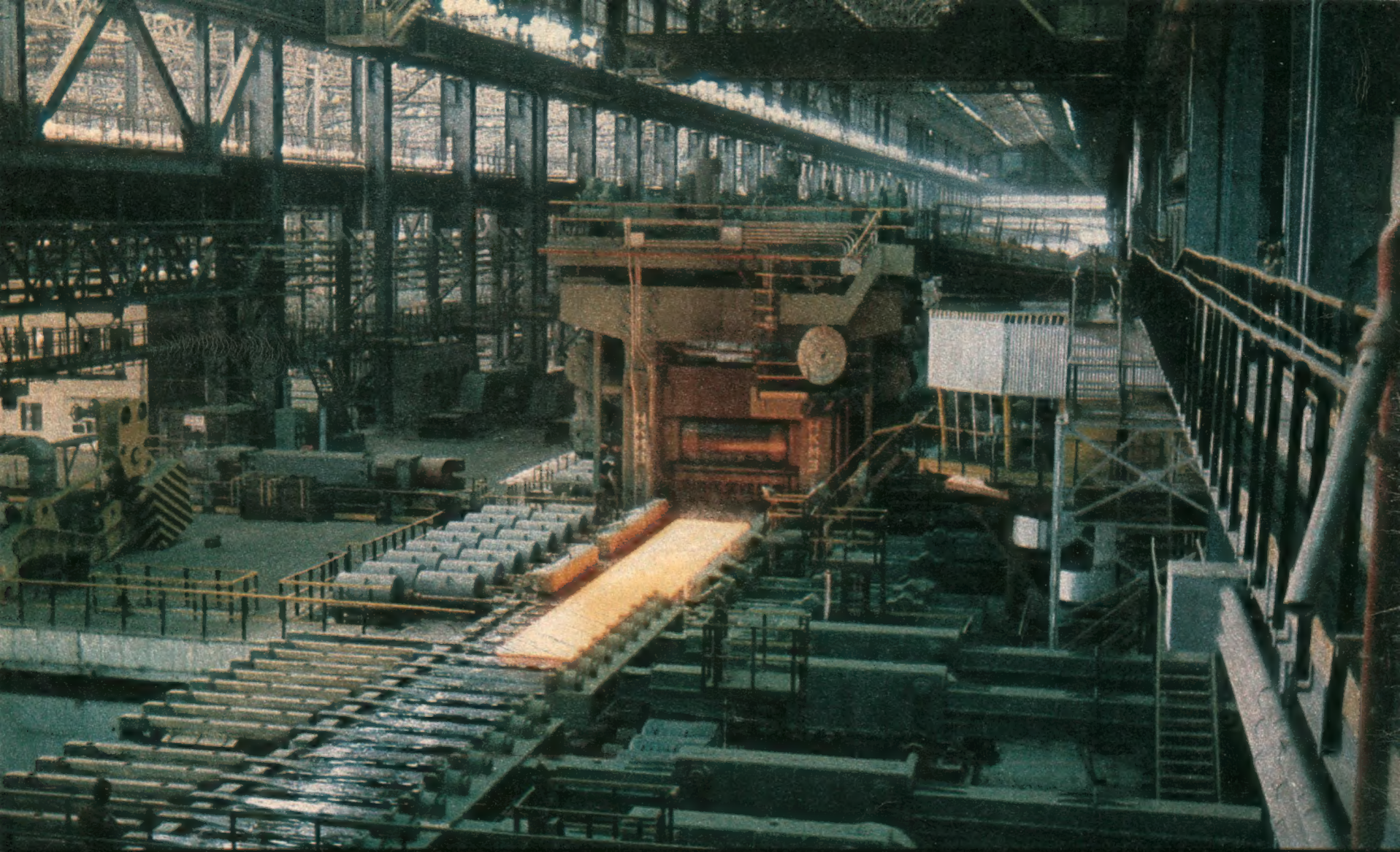
**НОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА
В ПРИЛОЖЕНИИ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК»**

«Утопленник».

«На гулянье в Сокольниках».

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663